

СИЛА ИНСТИНКТА

ТОМ 1

АЛЕКСАНДР КИСЕЛЁВ

Александр Георгиевич Киселев

Сила инстинкта. Часть 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70438981

SelfPub; 2024

Аннотация

Российская империя, 1891 год. В провинциальном городе происходит серия загадочных убийств. Для расследования прибывает чиновник из Петербурга статский советник Иван Кудасов, звезда политического сыска и ярый приверженец монархии. Становится понятно, что дело куда более запутано, чем может показаться на первый взгляд. События развиваются с головокружительной быстротой. На страницах произведения вас ожидает знакомство с влиятельной семьей богатого мануфактурщика, подлым шантажистом и его телохранителем, беспощадным турком-альбиносом, а также студентом Антоном, волею случая попавшим в удивительную историю. Давайте вместе погрузимся в атмосферу 19 века и распутаем преступление, которое могло произойти только в той эпохе и в тех декорациях.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	23
Глава 3	29
Глава 4	57
Глава 5	97
Глава 6	113
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Александр Киселев

Сила инстинкта. Часть 1

ЧАСТЬ 1

АНТОН

Глава 1

Пролетка затормозила так резко, что в первую секунду показалось, что она перевернется. Сначала послышался скрип стальных рессор, потом угрожающее ржание запряжённых лошадей, вставших на дыбы, а напоследок, стук кованых копыт о булыжную мостовую. Удивительно, но крытый экипаж при этом не пострадал, а только чуть накренился вперед.

Молодой блондин в легком твидовом пальто наблюдал за этим с противоположной стороны дороги. Он шел по своим делам, но шум заставил его обернуться. В первое мгновение ему показалось, что сбили двух человек, которые прогуливались чуть поодаль.

Но, как оказалось, не сбили, а только подрезали. И подрезали специально.

Действительно, там стояли двое: взрослый мужчина и совсем еще молодая девушка. Пролетка остановилась буквально в двух шагах от них. Еще бы чуть-чуть, и столкновения было не избежать.

От неожиданности те вздрогнули и замерли как вкопанные. Девушка сначала вжала голову в плечи, а затем испуганно закричала.

После этого произошло и вовсе удивительное. Дверца экипажа в тот же момент отворилась и из него выскочили

двое людей в черных комбинезонах. Лица их были скрыты масками с прорезями для глаз и рта. Один, ни секунды не мешкая, схватил женщину, второй – мужчину, и оба стали заталкивать прогуливающихся в карету. Кучер, сидевший на козлах, в похищении участия не принимал, а лишь нервно поглядывал по сторонам, боясь, что кто-нибудь может помешать.

И действительно, помешали.

– Эй, что тут такое?! – Крикнул блондин, который наблюдал за всем этим с противоположной стороны дороги. В следующую секунду он уже бросился бежать на помощь.

Барышня всеми силами пыталась сопротивляться, но никакого эффекта эти действия не возымели – державший ее черный человек был очень силен. Она попыталась закричать еще раз, но ей тут же заткнули рот ладонью. Второй похититель уже запихивал внутрь экипажа ее спутника.

Блондин уже перебежал дорогу и оказался возле пролетки. Он понял, что всякие разговоры здесь бессмысленны, а потому не стал напрасно тратить время. Даже не остановившись, прямо с разбегу, ударил того, кто держал барышню, кулаком в лицо. То ли удар оказался слишком сильным, то ли парень в маске был застигнут врасплох, но он рухнул навзничь, с глухим стуком ударившись головой о кованое колесо.

Это немного ослабило хватку второго человека в черном, который держал мужчину. Он лишь мельком обернулся посмотреть, что происходит, и похищаемый не преминул этим

воспользоваться. Ему удалось высвободить правую руку и схватить противника за горло. Блондин подоспел ему на помощь, и вместе они повалили похитителя на землю. Завязалась борьба.

Поняв, что подельникам нужна помощь, кучер спрыгнул с козел и, схватив за воротник вмешавшегося в драку блондина, оттолкнул в сторону. Тот отлетел на пару аршин, но тут же поднялся.

– Ты кто такой? – прорычал кучер с явным восточным акцентом и ловким, почти незаметным движением достал из-за пазухи кинжал. Он, в отличие от своих подельников, был без маски. Свет от уличного газового фонаря падал прямо на него, так что нападавшего можно было хорошо рассмотреть.

Это был явно турок, с ужасным, перекошенным от злобы лицом, высокого роста и очень крепкого телосложения. На щеке у него красовался глубокий шрам, который, казалось, горел каким-то неестественным ярко-красным огнем. Но самое интересное, что кожа у него была белая-белая, как снег. И глаза. Они были не карими, черными или зелеными, как у обычных людей, а почему-то красными. И смотрели эти глаза очень страшно – с прищуром и каким-то звериным оскалом.

В следующую секунду красноглазый выкинул вперед руку, и блондин почувствовал легкое жжение в левом боку. Он не сразу сообразил, что клинок вошел в его тело, а когда понял, сильно испугался. Про себя он почему-то отметил, что

удар нанесли профессионально, как это делают матерые уголовники – не сходя с места, а лишь немного наклонив вперед корпус. Нападавший был как кошка: быстрый, ловкий и проворный.

Но боль в боку, которая, казалось, должна была нарастать, в один миг вдруг исчезла, как и исчез страх. На смену ему пришло куда более сильное чувство – ярость, которое, как известно, заглушает остальные человеческие чувства. На время, конечно.

А надолго и не потребовалось. Блондин, одолеваемый злостью и забыв о кинжале, кинулся на кучера, прижал его к себе схватив за запястье. Сжал очень сильно. Послышался хрип, на лбу турка выступила толстая горизонтальная жила. Он сопротивлялся, но все-таки разжал пальцы, и страшное оружие со звоном упало на мостовую. Когда рука освободилась, хотел ударить, но промахнулся – блондин немного присел, и удар пришелся в пустоту. Это дало возможность нежданному спасителю нанести ответный удар, и он решил не церемониться. Не дав альбиносу возможности снова встать в боевую стойку, прямо с места двинул ему ногой по причинному месту.

Кучер закричал так, будто ему по меньшей мере отрубили руку. Больно, видать, ударил-то.

Видя, что красноглазый повержен, блондин подбежал на выручку мужчине, которого хотели похитить. Он лежал на земле и боролся со вторым человеком в маске. Это был по-

следний похититель: кучер скрутился пополам, а другой, тот, что в черном комбинезоне, лежал без сознания. После удара о колесо он так и не очнулся.

Только сейчас спаситель посмотрел на девушку. Она стояла как вкопанная, с широко раскрытыми глазами и наблюдала за происходящим. Она даже не попыталась вмешаться, но это было как раз понятно. Не каждая барышня влезет в мужскую драку, ведь для этого надо обладать сильным характером.

Странно было другое, и это привлекло внимание. Женщина прислонилась спиной почему-то не к стене, а к карете, в которую ее чуть было насильно не затолкали. Сам бы он на ее месте непременно побежал куда-нибудь подальше, где безопасно. Хотя, кто их, женщин этих, разберет? Может, от страха дезориентировалась.

– Бежим, скорее бежим! – Крикнул блондин, пытаясь поднять мужчину, чуть было не ставшего жертвой похищения.

Тот поднялся и припустил со всех ног, тяжело дыша. Схватил девушку за руку, и они все втроем побежали на другую сторону улицы.

Всего полминуты и пролетка тронулась с места. Кучер с помощником затолкали потерявшего сознания подельника внутрь, а сами уселись на козлах. Альбинос повернул голову в их сторону, понял, что уже ничего не сделаешь, и, что было силы, хлыстнул лошадей.

Те посеменили. Сначала легко так, лениво, но все наби-

рая скорость, для чего, правда, пришлось еще пару раз применить хлыст. Наконец они разогнались и быстро скрылись за поворотом.

Только теперь появилась возможность рассмотреть тех, ради кого парень рисковал жизнью. Мужчине было уже лет сорок пять, но он был в прекрасной форме, высокий и крепкий. Казалось, годы над ним не властны, и только совсем чуть-чуть прикоснулись к нему и оставили отпечаток в виде нескольких неглубоких морщин под глазами. Борода клином делала его похожим на какого-нибудь дьячка из приходской церкви, хотя было ясно, что к духовенству этот человек не имел никакого отношения. С первого взгляда он производил впечатление того, кто привык полагаться исключительно на самого себя, а не на вездесущего бога. Его глаза, умные и выразительные, красноречивее любых слов говорили о выдержке и сильном характере. Волосы были коротко острижены, по последней парижской моде. Серьезный человек, сразу видно.

Девушку же молодой человек рассматривал довольно долго. Не потому, что не мог рассмотреть черты ее лица, а просто был не в силах оторвать от нее взгляд. Действительно, она была чудо как хороша, пожалуй, даже слишком: черные волосы, рассыпавшиеся на плечах, тонкие, как ниточки, брови, маленький прямой носик. Все говорило о ее аристократическом происхождении, даже глаза. Они были по-детски наивные, но вместе с тем глубокие, как бездонное озеро, в

котором можно долго тонуть. Они-то и завораживали больше всего.

– Боже мой, папенька, что это было? – Спросила девушка, с лица которой еще не сошло выражение тревоги и крайней озабоченности. – И почему эти люди хотели нас схватить?

– Успокойся, Марго, все позади. Теперь у них не будет возможности до нас добраться. – Ответил ее спутник, а потом, повернувшись к своему спасителю, галантно поклонился.

– Кстати, назовите ваше имя, мой юный друг. Мне безумно интересно узнать, кому я обязан своей жизнью?

– Да, назовите! – Проголосила в ответ барышня, уставившись на него своими большими глазами. К тревоге и озабоченности теперь добавилось любопытство. И любопытство было явно сильнее.

«Спаситель» улыбнулся.

– Помилуйте, сударь, вы ничем мне не обязаны. Я лишь немного помог, и это на моем месте сделал бы каждый порядочный человек. Поэтому вам незачем меня благодарить. А зовут меня Антон Семенович Ковров, студент.

– Очень приятно, Антон Семенович. Разрешите в таком случае и мне отрекомендоваться, почту за честь. Петр Петрович Островский, легкопромышленник и председатель правления общества «Островский и Компания». Слыхали, я думаю?

– Ну конечно, еще бы! Неужели сам Петр Петрович? Боль-

шая честь с вами познакомиться.

Вдруг Марго вскрикнула, осторожно ткнув тонким пальчиком в бок Антона.

– Господи, да вы ранены! Смотрите, у вас кровь. Вам нужно срочно к доктору!

– Не волнуйтесь, барышня, – поспешил успокоить ее блондин, – уверяю вас, нет никаких причин для беспокойства. Мне задела только кожу, так что моя рана вовсе не опасна.

Он хотел еще что-то сказать, но не успел. В их сторону направлялись шесть человек. Один из них размахивал внушительного размера дубинкой, а в руках у другого был морской кортик. Другие четверо шли чуть в стороне.

– У вас все здесь в порядке? – Спросил тяжелым грудным басом тот, что с дубинкой. По виду этого человека можно было принять за рыбака – длинная седая борода чуть ли не по пояс, выгоревшая на солнце кожа, несвежая и кое-где заштопанная матросская фуфайка. Мужик этот был старый, но коренастый и совсем еще не дряхлый.

– Всё в порядке, спасибо, – ответил студент, почему-то внутренне напрягшись.

– А я тебе говорил, Кузьмич, не нашего это ума дело. Молодые бранятся – только тешатся, – обратился тот, который с кортиком, к обладателю дубинки. Правда, к чему здесь молодые, было непонятно.

Но тот, кажется, всё понял и рассерженно фыркнул.

– Цыц, тебя не спросили. Больно умный ты у нас стал в последнее время. И вообще, всё, что здесь происходит, касается теперь и нас. Покуда Упыря этого не поймаем!

Остальные четверо стояли рядом и молчали. Это были совсем еще молодые ребята, видно, гимназисты. Один достал пачку папирос, и тут же три руки взяли по одной. Закурили.

– Еще эти фонарные столбы не горят, будь они трижды неладны. Ходим тут в потёмках, только фонарик пружинный и выручает. Спасибо Сашке, вон, – он указал головой на одного из стоящих сзади, который купил папиросу, – из Североамериканских Штатов привёз.

– Пошли, ну что мы тут топчемся? – Не унимался обладатель кортика, дергая Кузьмича за рукав.

– Да ну что ты, в самом деле, раскудахтался, чёрт беззубый! Иди жену учи щи варить, а не меня. А вы почему так поздно гуляете? Дома не сидится?

Последнее уже относилось к мануфактурщику и его компании. Вопрос был, по всей видимости, риторическим, потому что Кузьмич, даже не услышав ответ, тут же отвернулся и о чём-то шёпотом спросил у своего приятеля. Тот, у кого был кортик, в ответ лишь шмыгнул носом. Кузьмич удовлетворенно кивнул, как будто именно этого и ждал.

Не понравилась блондину вся эта компания. Странная какая-то. И студенты какие-то подозрительные. Вон стоят в стороне, беззаботно курят. А кажется, что только и ждут команды «фас».

– А девица-то хороша, хороша, – нараспев произнёс Кузьмич. – Ни много, ни мало, морская фурия. Как вас звать, сударыня?

Антон не смог стерпеть эту бесцеремонность, поэтому сдержил:

– Позвольте спросить, а вам какое дело?

– Я те щас покажу, какое дело! – Насупился бородач, занося над ним свою страшную дубинку. – Стукну разок, вмиг башку расплющу. Али не ясно?

– Мамочки! – Прижалась Марго к своему отцу. Все чувствовали, что ситуация накалялась.

– Ну что с вами прикажете делать, господа хорошие? – Протянул нараспев Кузьмич на манер фартовых бандитов, окидывая взглядом свою компанию, словно ожидая от них ответа.

Но те молчали. Тогда матрос уставился на Петра Петровича и стал картинно поигрывать своей дубинкой.

– А что делать? – Островский явно был удивлен таким вопросом. – Мы сейчас идём домой. И при чём тут вы, позвольте полюбопытствовать?

Кузьмич ответить не успел, потому что из-за поворота вынырнула фигура городского в белом кителе и со свистком в руке. Положенной фуражки на голове не было, что смотрелось довольно необычно.

– Тааак, это что за сборы?! – Строго осведомился он еще издалека, а когда подошёл, смерил всех каким-то презри-

тельным, недобрым взглядом.

– Дело в том, что на нас только что... – начал рассказывать Антон, но его вдруг совершенно неожиданно перебил Островский и быстро ответил за него:

– Нас чуть не сбил ехавший по дороге экипаж. Лошади уж больно прытки оказались. Но ничего, обошлось.

Блондин удивлённо посмотрел на Петра Петровича, но вслух ничего не сказал. Ему было непонятно, почему он захотел скрыть факт нападения.

Городовой недоверчиво покосился на Антона, и тот ментально потупил взгляд. Зачем, сам не понял. Видать, само вышло, машинально.

Но блюститель правопорядка без фуражки увидел Островского и повернулся к нему, утратив к юноше всякий интерес.

– Петр Петрович, а вы как здесь оказались? Знаете же, появляться в этих местах небезопасно в темное время суток.

– Знаю. Дочь просто захотела прогуляться, и я решил не отпускать ее одну. Именно потому, что небезопасно.

Островский эту фразу произнес неуверенно, но блюстителя правопорядка, похоже, этот ответ удовлетворил. Он кивнул и обратился к стоявшему рядом бородачу.

– А вы что здесь делаете, рвань капустная? Я, кажется, тебе в прошлый раз доходчиво объяснил, Михал Кузьмич, что твоя помощь никому не нужна. Твои бригады только людей пугают. Зачем вынуждаешь меня повторять? Или в кутузке

давно не ночевал? Так изволь, вмиг организую!

Кузьмич сплюнул коричневой табачной слюной, что выглядело совсем невежливо. Но он, похоже, такими мелочами не заморачивался. Ответил добродушно, по-мужицки:

– Зря ругаешься, Парфен Каллистратович. Мы, между прочим, вашу работу делаем. Споймали бы этого Упыря, и дело с концом. Полиция и общественность – дело единое, испокон веку так было. Только вместе мы сможем навести порядок на улицах. Вон и студенты, – он головой указал на стоящих в стороне куривших парней, – решили помочь. Невмоготу им, видно, по домам сидеть, коли тут дела такие.

– Ты меня еще тут про общественность поучи! – Оскалился Дмитрий Харитонович. – А студенты твои пусть при университетах будут. Там куда спокойнее, нежели с тобой, рваниной, шлаться. Да и пользы больше.

– А мы и в университете успеваем, Ваше благородие! – Крикнул один из ребят, но тут же спохватился. Поймал на себе злобный взгляд городского, да и Кузьмич на него шикнул. Не лезь, мол, коли не спрашивают.

– В море тебе идти надо, Кузьмич. Засиделся на суше. – Сказал блюститель правопорядка и повернулся к Петру Петровичу, давая понять Кузьмичу, что разговор окончен.

– Ладно, можете идти, но будьте предельно осторожны. Не мне вам говорить, что у нас тут происходит.

– Благодарю. Мы сейчас прямо домой. Прямиком, как говорится, не сворачивая.

Затем городской опять обратился к Кузьмичу.

– В общем, я тебя предупредил. Еще раз увижу с дубинкой, закатаю по полной программе. Не в каталажку, так самолично проучу. Ты меня знаешь.

И так убедительно сказал, что Антон понял – не шутит. И вправду проучит.

Видно, понял это и моряк, потому что поднял руки в знак полного повиновения. Дубинку он отдал товарищу, у которого был кортик – от греха подальше.

Грозный городской уже собирался уходить, но вдруг его кто-то окликнул: «Парфен Каллистратович! Парфен Каллистратович!». Все как по команде оглянулись.

Из-за уголовного дома выехала карета, запряженная четверкой лошадей. Приближаясь к стоявшим возле дороги людям, она сбавила ход. Из закрытой коляски по пояс высунулся прилично одетый господин, держа в одной руке початую бутылку не то вина, не то коньяка, а в другой какой-то белый предмет. Господин этот, вне всякого сомнения, был изрядно пьян, потому что помимо имени блюстителя порядка выкрикивал еще что-то, чего разобрать было невозможно, преглупо при этом улыбаясь.

Поравнявшись с городским, лошади потопали рысью, очень медленно. Через несколько шагов и вовсе остановились. Пьяный господин передал блюстителю из рук в руки белый предмет, захохотав при этом так, что одна лошадь даже громко заржала ему в ответ, будто понимая, о чем речь.

– Ха-ха-ха, Каллистратыч, ха-ха-ха!!! Потерял, mon cher, ха-ха! Бежал сломя голову, да? Неужто народовольцы самого государя схватили, а ты побежал спасать, да? Ой не могу!

Городовой прервал эту бессмысленную тираду и выхватил белый предмет из рук пьяного. Теперь остальным было видно, что это белая фуражка, какие по форме положено носить городовым.

– А я еду, значит, от Быстрыковых, обед у них был. – Ик! – А кучер мой и говорит: «Смотри, Евгений Палыч, – ик! – что это на дороге валяется? Никак шапка городского!» Ха-ха, шапка! Ик!

Смеяться уже, видно, у богатого франта не осталось сил, поэтому он начал икать.

– Да ладно тебе, чего уж там! – Нахмурился городской, но опустил голову. Видно было, что он не хотел ронять своего достоинства, но ему все-таки было стыдно за потерянный головной убор.

– Да ладно, не летай главное так больше. Ик! Ты мне вот что лучше скажи... Ооо, Петр Петрович, моё почтение!

Франт в карете увидел Островского, чему, было видно, несказанно обрадовался.

– Здравствуй, Евгений. Какая встреча! – Поздоровался промышленник, подходя к тротуару.

– Рад тебя видеть, друг! А я, представь, только от Быстрыковых. Ик! В покер играли, тебя жаль не было. Вздул меня этот шельма Штурский, польская морда. Ик! Ну что же мне

из этого, – ик! – пропадать, что ли? Выпить хочешь?

И он протянул ему бутылку. Петр Петрович вежливо отказался, сославшись на то, что они спешат домой.

– Так садитесь ко мне, – неожиданно предложил пьяный франт. – Я еще не забыл, слава Богу, где вы живете. Сколько вас?

– Я, дочь и вот этот господин.

Антон вежливо кивнул, хотя сам не знал, для чего. То ли выразить почтение, то ли показать, что именно он и есть «этот господин». Такое обращение ему немного польстило, потому что для господина, как он считал, был еще слишком молод.

– Очень приятно. Евгений Палыч Чернокуцкий. Залазьте, у меня как раз три места. Игнат! – Крикнул он кучеру. – В дом Петра Островского, да поживее!

Никто отказываться не стал, потому что очень уж сильно хотелось попрощаться с этой неприятной компанией.

Петр Петрович поддержал дочь за руку и помог подняться в экипаж, а затем влез туда сам. Таким образом, они оба разместились напротив Евгения Павловича. Последним зашел Антон, занимая свободное место рядом с хозяином пролётки. Приятно скрипнула под тяжестью его тела кожаная подушка.

Коляска была красивая, из дорогих, отделанная по углам золотистым цветочным орнаментом. Все внутри было темно-бардовым. Студент понимал, конечно, что так кажется

только при скупом свете луны и фонарных столбов. На самом деле бархат, которым обита карета, был ярко-красного цвета. Причудливая игра света и тени показалась ему забавной.

После того как Евгений Павлович накричал на зазевавшегося кучера и экипаж наконец тронулся с места, он стал расспрашивать Петра Петровича о насущных делах, поскольку, как оказалось, они давненько не виделись. Но тот отвечал скупое, а иногда и вовсе отмалчивался. Когда же разговор зашёл о причине их столь поздней прогулки, захотел перевести разговор на другую тему, но дочь не дала ему этого сделать. С восхищением, достойным сентиментальной и ранимой девичьей души, выросшей на рыцарских романах, она принялась рассказывать. Упомянула и о том, как испугалась за отца, когда его волокли похитители, и о том, как сама чуть было не лишилась чувств. Ну и, конечно, не обошла вниманием ключевую фигуру – молодого спасителя, явившегося на помощь двум совершенно незнакомым людям.

Когда речь зашла об Антоне и его смелости, которая, как показалось самому Коврову, была несколько преувеличена, он покраснел и опустил глаза, чтобы не встречаться взглядом с Марго. Это, конечно же, не осталось незамеченным, и Антон это понял. Поэтому покраснел еще больше.

Свою же восхищенную тираду девушка закончила так:
– Если бы не этот человек, неизвестно, что бы с нами стало! Он очень милый и решительный. А еще очень неплохо

дерется.

Словом «милый» Марго окончательно добила и без того смущенного блондина. Но Евгения Палыча интересовало все не это.

– Так я – ик! – не пойму, почему вы так поздно гуляли?

Ответил Петр Петрович:

– Я же тебе сказал, дочь захотела пройтись. Ты ведь любишь гулять по вечерам, правда, дорогая? С тех пор как не стало нашей матери, девочка шумным собраниям предпочитает тишину. Бывает, допоздна гуляет, а я, старик, сижу да волнуюсь. Иногда с кем-то, а иногда сама. Если у меня есть время, то я составляю ей компанию. Вот и сегодня...

– Да, папа, это здорово, что ты у меня такой. Я очень тебя люблю. С тобой ничего не страшно.

Девушка улыбнулась и положила голову на отцовское плечо. Петр Петрович улыбнулся в ответ и погладил ее черные, шелковистые волосы, которые спадали ей на плечи. Потом поцеловал в макушку.

Боже, как же все-таки она была хороша!

– Ну допустим, – не унимался Евгений Палыч, – а что это за компания, которая осталась позади?

– Понятия не имею.

– Вы стояли с ними и даже не знаете, кто они?

– Трудно поверить, но это так.

– Я думаю, это сформированные отряды дружин. Из местных. – Поделился своим мнением Ковров.

– Дружин? – Не понял владелец экипажа. – Каких еще дружин?

– Я так понял, Упыря ищут.

Евгений Палыч покачал головой.

– Да, ну и дела-а-а-а! Серьезно.

Глава 2

Действительно, всё было очень серьезно.

Город был в панике. В городе объявился серийный убийца.

Действовал он всегда неожиданно и вместе с тем дерзко. Выбирал жертву в темном переулке или даже на улице, где не было поздних прохожих, подходил и бил ножом в сердце. Затем вырезал глаза и уходил. Уже было убито семь человек, и, похоже, останавливаться на этом неизвестный убийца не собирался.

У криминальной полиции сразу же возникли трудности. Во-первых, сами жертвы. Среди убитых были как мужчины, так и женщины, причем разных возрастов и социального положения. Были и две проститутки, которые в позднее время хотели заманить клиента побогаче, и известный в городе гуляка-картёжник, и извозчик, и продавщица с рынка, и купец, и мясник из лавки на Измайловском. Желание следствия найти хоть какую-нибудь связь между этими людьми не увенчалось успехом. Как, впрочем, и розыскные мероприятия. Раз между убитыми и убийцей не могло быть личных конфликтов, следовательно, и зацепиться было не за что.

Вторая трудность заключалась в том, что было непонятно, зачем он всё это делает. Попросту говоря, был не ясен мотив.

Версия ограбления отпала сразу. Ни у кого ничего не было взято. У купца Селиверстова, который поздно вечером возвращался домой после удачно проведенной сделки, было в бумажнике более двухсот рублей, да еще и золотой брегет. Убийца ничего не тронул, даже в карманы не полез. У других жертв все ценности также оставались при них. Таким образом, никакой ниточки не нащупывалось. Если не грабил, тогда что? Насиловал? Но следствие установило, что эти преступления не носили сексуального характера.

Вся надежда оставалась на патрулирование. Радовало хоть то, что убийства совершались не в разных частях города (даже страшно представить, если бы по этому делу работали все вверенные полицмейстеру объекты), а в трех прилегающих друг к другу районах. Можно было заметить на этой территории утроенное количество работников правопорядка, при этом далеко не всегда они ходили в форме. Любых, хоть сколько-нибудь подозрительных личностей забирали в управление. Потом, если алиби их подтверждалось, отпускали. Если же нет, держали еще какое-то время, но потом все равно освобождали, потому что загадочные убийства продолжались.

Хуже всего было даже не то, что полиция ничего не могла предпринять. Дело было в другом, и это было во сто крат хуже безуспешных поисков убийцы. Зарождалась паника.

Департамент полиции понимал, что массовые волнения не пойдут на пользу следствию, поэтому делал все возмож-

ное для того, чтобы не заострять внимание на возникшей опасности.

Но слухи – вещь упрямая, и уже совсем скоро местные заговорили о неуловимом убийце, который выкалывает своим жертвам глаза. Как это обычно бывает, реальные истории вскоре обрастают фантастическими подробностями, и уже заговорили о том, что глаза эти съедаются. Потом нашлись люди, которые утверждали, будто видели бродившего по ночным улицам вурдалака под два метра ростом с огромным ножом в руке. Чуть позже стали говорить, что убийца – не человек, а призрак из потустороннего мира, которого можно изловить только при помощи спиритизма, вступив в контакт с другими представителями загробного мира. Мол, убийца этот не имеет телесной оболочки, поэтому его до сих пор не поймали.

Выдумки все это, конечно, и никому, казалось бы, вреда от этого быть не может. Да и потом, помощь следствию, лишние глаза и уши. Но оказалось, что помощи как таковой оказано не было, а вот лишние проблемы появились.

Люди, то ли напуганные происходящим, а скорее всего просто ради остроты ощущений, ходили ночью по улицам и выслеживали этого Упыря, как они сами его прозвали. Теперь уже нередко улицы, что раньше в темное время суток пустовали, были полны людей из сформированных городских дружин. Народ это был разный, в основном молодежь из рабочих семей да местные пьянчужки, которым только

дай повод кулаками помахать. Часто забывали, зачем вообще шли, и устраивали между собою драки. Иногда и до фабричных девок добирались, но это уже если сильно выпьют.

Один раз кому-то пришло в голову, что здесь замешаны евреи, хотя аргументировать это предположение никто не смог. Но такому народу, как говорится, только дай повод. Аргументация, разумеется, не потребовалась, и пять полупьяных мужиков ломанулись в дом известного в районе аптекаря Листермана, якобы для разговора.

Разговаривать особо не стали, а вот погром учинили такой, что не дай Бог. Хорошо, городской вовремя подоспел вместе с подкреплением, а то неизвестно, чем бы дело обернулось. После этого случая полицмейстер, Афанасий Степанович Мурзеев, строго-настрого запретил самодеятельность среди местного населения и приказал пресекать любые их попытки вмешиваться в дела полиции.

Но одно дело приказать, а совсем другое – сделать. Полиция была просто не в состоянии запретить местным устраивать ночные вылазки, и поэтому в тех районах, где были совершены убийства, по-прежнему кучковались добровольцы, желающие «порвать Упыря на куски». Отрядам полиции оставалось только поддерживать порядок и не давать этим дружинам своевольничать, что, надо отдать должное блюстителям правопорядка, весьма неплохо удавалось. Когда каталажкой пригрозят, а когда и кулаками поучат, не без этого. В конце концов решили все-таки действовать сообща, полиция

и местные. Как говорится, один глаз хорошо, а два лучше.

Но убийства продолжались. Казалось, Упырю покровительствует какая-то высшая сила, которая оберегает его от столкновения с многочисленными добровольцами-дружинниками.

Был один случай. Поздний вечер, улица, людей почти нет. Вроде бы только-только полицейский патруль прошел один переулок. Никого, тихо. Буквально через десять минут, когда возвращались назад, смотрят – возле мусорного бака человек лежит, без движений. Подходят ближе – колотая рана в сердце, и вместо глаз две черные дырки. Дунули в свисток, набежало народу. Да только Упырь как сквозь землю провалился. Стали всех допрашивать – может, заметили кого подозрительного, или слышали что-нибудь. Только никто ничего не видел и ничего не знал. Тихо, говорят, было, как обычно. Ну не мог он проскочить незамеченным мимо столько людей! Однако все-таки проскочил. Получается, растворился! Тут уж и самые скептики поверили в то, что за всем этим стоит нечистая сила.

На секретном совещании, на котором присутствовал сам министр судебной палаты и поспешно прибывший из Петербурга граф Фролов, постановили: неизвестный убийца, терроризирующий город, должен быть пойман в самые кратчайшие сроки. Граф пригрозил, что если не будет принято экстренных мер, прибудет с высочайшим визитом сам государь, и тогда держитесь. После этого столичный гость отбыл, по-

обещав лично от себя прислать в помощь чиновника особых поручений. Видимо, приезд государя был не с руки и самому графу.

Такая вот обстановка царила в городе последний месяц. Нездоровая обстановка, нервная. Жители города уже не верили, что убийцу когда-нибудь поймают.

Глава 3

Карета Евгения Палыча тем временем свернула на Просторечный бульвар, прогрохотав по мостовой и сразу перейдя на мягкий ход. Лошади уверенно шли по асфальтированной дороге.

Антон отодвинул бардовую шторку и выглянул в окно. Они как раз проезжали Малый Щепкинский Театр, который горел сотнями огней. Мимо прогуливались интеллигентные джентльмены в сюртуках, держа под ручку своих дам. У самого же театра толпились извозчики, и какой-то парень бежал от одного прохожего к другому, предлагая купить газету. А прохожих было сегодня очень много, что странно для этого времени суток. Но потом он вспомнил, что через полчаса начнется «Ревизор», оттого и столько народа! А вспомнил потому, что и сам хотел сходить, но потом передумал. Театр театром, конечно, но тратить последние три рубля на билет, уж увольте. Эх, а ведь так хотелось посмотреть на городничего в исполнении Давыдова.

Евгений Палыч приказал остановиться и купил у мальчугана газету. Тот несказанно обрадовался, ведь ему удалось продать утренний выпуск «Вечерних ведомостей» вечером, да еще и получить на пять копеек больше! Довольный, мальчишка побежал торговать дальше.

– Сегодня весь день просидел у этой старой клячи Быстряковой, даже газет не покупал. – Посетовал Евгений Палыч, допивая коньяк.

Снова тронулись в путь. Граф был весел и все болтал без умолку, рассказывая о сегодняшнем дне у графини. Петр Петрович же, наоборот, казался хмурым и погруженным в свои мысли. Он совсем не слушал праздную болтовню своего друга, и только и мог, что вымученно улыбаться, когда тот говорил что-то смешное. Марго тоже улыбалась, но причина была иная. Она не сводила глаз с Антона.

Сам Антон тоже думал, но все о другом. Ему не давала покоя одна вещь, странность, объяснения которой он не находил. Долго думал, стоит ли спрашивать. Решил, что все-таки стоит.

– Петр Петрович, а ведь вы знаете, кто эти люди, так ведь? Ну те, кто хотел вас похитить?

Промышленник вопросительно на него посмотрел, как будто услышал нечто совершенно невероятное. Этого вопроса он явно не ждал.

– Простите, откуда я могу это знать?

– Петр Петрович, я сегодня рисковал жизнью, помогая вам. Думаю, я имею право знать правду.

Евгений Палыч заинтересовался разговором, и устремил полный любопытства взгляд на Островского. Нуте-с, нуте-с. Любопытно.

– Я действительно не понимаю, почему я должен знать

этих людей? Это обычные бандиты. Рыцари с большой дороги, слышали о таких?

Марго наклонилась к отцу и, глядя его руку, прошептала: «Папенька, скажи».

— А что, собственно, я должен сказать? — Развел руками Петр Петрович. — Я понятия не имею, кто это. Может, варшавские налетчики, которые недавно в городе объявились. Насколько мне известно, они грабят прохожих и богатые кареты. Только за последнюю неделю три ограбления да двое убитыми в придачу.

Чернукуцкий листал газету, и, остановившись на одной странице, посмотрел мутным взглядом на Островского. Затем улыбнулся.

— Боюсь, mon cher, этого никак не может быть. Вот, изволь полюбопытствовать.

И протянул «Вечерник ведомости». Петр Петрович взял их и принялся читать статью, на которую указал князь. Там было написано следующее:

ПЕРЕСТРЕЛКА В АЛТУФЬЕВО

КОНЕЦ ВАРШАВСКИМ ГАСТРОЛЁРАМ

Вчера, в десятом часу вечера, в загородном доме доцента Ерофеева в поселке Алтуфьево произошло кровопролитное противостояние между представителями закона и органи-

зованной преступной группой. Как стало известно из достоверных источников, в доме скрывались четверо варшавских налетчиков, совершавших нападения на жителей города N в темное время суток. Полиции удалось выйти на след бандитов, и они окружили дом. На призыв сдаться и сложить оружие те подняли стрельбу, пытаясь в суматохе скрыться. Но им это не удалось. Вся банда была ликвидирована, когда попыталась покинуть дом. Последний оставшийся в живых ее предводитель Юлиуш Яблонский бросил бомбу с нитроглицерином и побежал в лес, но меткий выстрел статского советника Ивана Леопольдовича Кудасова, руководившего операцией, сразил его наповал.

Таким образом, банде польских гастролеров пришел конец. Не обошлось, правда, и без жертв со стороны полиции. Филер Смуров и филер Скворцов, принимавшие участие в задержании, получили осколочные ранения и были доставлены в больницу. Однако на сегодняшний день серьезной угрозы для их жизни нет.

Иван Леопольдович Кудасов, специально прибывший из Петербурга для поимки опасных преступников, сообщил, что была проделана огромная межведомственная работа, следствием которой и стало обнаружение местонахождения банды Яблонского. И только благодаря храбрости сотрудников третьего Ярославского отделения полиции эта банда была обезврежена.

Что касается доцента Валентина Ерофеева, то он, как

нам стало известно, уже второй месяц находится за границей. Следствию еще предстоит выяснить, каким образом его дом стал убежищем для международных преступников.

– Что-то уж больно скромна статья для такого громкого дела, – только и сказал Островский, дочитав до конца.

– Слабовато, да! – Согласился граф. – Но об этой истории мы еще услышим, уж будьте покойны. Ха-ха, как вам нравится «межведомственная работа»?! Знаем мы их работу, не понаслышке знаем. Стукач заложил какой, и всего делов. А они – межведомственная работа! Ха-ха!

Евгений Палыч согнулся пополам в приступе истерического хохота. Видимо, в делах, касающихся выпивки, он меры не знал. Хорошо еще, что бутылка опустела, а то бы этим не ограничилось.

Экипаж свернул налево, в один из переулков, которых было так много в этом районе. Антон увидел низенькие с обсыпанной штукатуркой серые домишки, похожие друг на друга, как братья-близнецы. В некоторых горел свет, остальные утопали во мраке ночи. Пахло гнилью и нечистотами.

Но главное – это тишина. Эта зловещая, ночная тишина, которую не нарушал даже лай дворовых собак. От этого становилось жутко. Любой человек, если он не сухарь и умеет чувствовать, с полной уверенностью заявил бы, что в местах этих присутствует нехорошая энергетика и даже стены домов источают какой-то потусторонний ужас. В воздухе ощущал-

ся аромат страха и смерти, и это безошибочно угадывалось. Как будто что-то злое обитало в этих местах и подчиняло себе все вокруг. Хотелось покинуть эти места как можно скорее и никогда сюда не возвращаться. И нет, пожалуй, ничего удивительного, что именно их выбрал для своих прогулок загадочный Упырь.

– Йаахуу! – Высунулся по пояс из кареты Евгений Палыч, подставив лицо встречному ветру. – Поживее, Игнат, поживее! Карамба!

– А все-таки, Петр Петрович, – обратился Ковров к промышленнику, не обращая внимания на пьяного графа, – кто вас хотел похитить? Не варшавские, нет. Почему вы не хотите мне сказать? Вы что думаете, я из любопытства спрашиваю?

Конечно же, спрашивал из любопытства, и только. Но произнес это так уверенно, что чуть сам себе не поверил. Во всяком случае, если бы ему кто-то так же сказал, поверил бы непременно. Господи, а если отец Марго спросит: «А зачем же тогда вы это спрашиваете, позвольте узнать?» Что тогда? Эх, не нужно было этого говорить.

Петр Петрович, к величайшей радости студента, неосторожно брошенную фразу проигнорировал.

– Ну что же, я ничего не скрываю и скрывать не собираюсь. Более того, я вам обязан жизнью, а потому не имею ни малейшего намерения ходить вокруг да около. Коль вам так любопытно, извольте. – он сделал короткую паузу. – Че-

ловека, который сегодня хотел выкрасть меня и мою дочь, зовут Марчин Хавинский. Это очень опасный человек, и я до сих пор проклинаяю тот день, когда нас с ним свела судьба. Мало того, что он ведет нечестную игру на бирже, так еще и не брезгует шантажом, ростовщицеством, шулерством и многим чем еще. Думаю, не преувеличу, если скажу, что это один из самых мерзких и отвратительных особ...

– Хавинский? – Услышав это имя, Чернокуцкий влез обратно в карету. – Тебя хотел похитить Хавинский?

Граф быстро замотал головой из стороны в сторону, показывая тем самым, что не понимает, о чем идет речь.

– Ты хочешь сказать, что Хавинский... брр! Ничего не понимаю!

– Да, Евгений, именно он! Антон, вы слышали что-нибудь об этом человеке?

Антон ничего о нем не слышал, поэтому пожал плечами.

– Оно и понятно, ведь вы не возвращаетесь в этом кругу. А об этом человеке можно писать романы, увлекательности которых позавидовал бы сам Буссенар. Вы, верно, думаете, что я преувеличиваю? – Островский заметил, что Антон улыбается, и принял это на свой счет, хотя причиной этому была Марго, которая улыбалась студенту в ответ.

– Нет-нет, что вы?!

– Поверьте, я говорю правду. Вы, возможно, слышали о самоубийстве графини Бокуцкой?

– Конечно, – ответил Антон, и улыбка мигом слетала с его

лица. — Об этом все газеты писали.

— Ну так вот. А может, вы и причину знаете?

— Причину самоубийства? Ну конечно — безответная любовь к своему дворецкому.

Петр Петрович в ответ на это рассмеялся, хотя ничего смешного, как показалось Коврову, он не сказал.

— Это вы так думаете. Открою вам маленький секрет: — дворецкий здесь ни при чем. Да, у них была мимолетная связь, но слуга этот оказался славным малым и даже пытался помочь графине. В общем, это темная история. В своей жизни Бокуцкая по-настоящему любила только одного человека. Нет, не своего бывшего супруга, как вы, верно, предполагаете, и даже не этого родственника скандинавского короля, с которым они были помолвлены. Ну и, конечно, не дворецкого, который просто оказался рядом в минуту ее слабости. А была у нее любовь, которая, как в песне поется, бывает в жизни только раз.

Полюбила графиня военного одного, штабного. Я не знаю, где он служил, и какое у него было звание, да это и не важно. Важно другое. А именно то, что отправили его куда-то по ведомственным делам, и надолго. Она здесь, а он там. Естественно, переписывались. Все письма, которые приходили от него, Бокуцкая хранила и перечитывала по сотни раз. Ну любила очень его, что тут еще сказать? Ну, а потом на каком-то званом ужине на прелестную вдову обратил внимание родственник короля, очень видный политический деятель, уве-

рен, вы о нем слышали. Сделал ей предложение. Сами понимаете, когда речь заходит о замужестве таких людей, любая тень, брошенная на честность и порядочность одного из них, просто недопустима. Тем более жених, консерватор по натуре, выросший в семье строгих правил и устоявшихся традиций. Ну, а когда он узнал, что у его суженой есть любовник, разумеется, порвал с ней всякие отношения.

Карету качнуло на ухабе, и все подпрыгнули на своих сиденьях.

– Да, интересно. – ответил Антон. – Я этого не знал. Только какое отношение к этому имеет Хавинский?

– В том то все и дело, что именно Хавинский рассказал о любовнике будущему мужу Бокуцкой. Точнее, показал.

– То есть как показал? – Ковров подумал, что он что-то не так услышал.

– Показал ему письма, которые писал ей любовник. Содержание их, понятное дело, было недвусмысленным. Говорят, он подкупил кухарку графини, которая выкрала эти письма и принесла Хавинскому. Потом он потребовал за них денег у Бокуцкой, в противном случае грозился показать переписку ее будущему супругу. Она не заплатила, и Хавинский исполнил свое намерение.

– Господи! – В сердцах воскликнул Антон. – Какой мерзавец! Неужели некому было заступиться за графиню?

– Увы, мой дорогой друг. Факт шантажа, как ни старались, доказать не удалось, и Хавинский вышел сухим из воды. Уве-

ряю вас, у него очень влиятельные покровители, которым он к тому же хорошо платит.

– Я слышала эту историю, – грустно вздохнула Марго. – Это ужасно, ужасно!

В её словах было столько сочувствия, столько искреннего сопереживания, что блондин невольно восхитился этой девушкой. Всего одна простая фраза, одна единственная, но она тронула самые чувствительные струнки его души. У него возникло непреодолимое желание склонить голову перед дочерью промышленного магната. Даже не перед ней, а перед этой непорочной чистотой, перед этой неиспорченностью, искренностью, которую она сумела сохранить даже в это сложное время.

Вне всякого сомнения, такая девушка, как Марго, могла покорить кого угодно и растопить самое ледяное сердце.

Но Чернокуцкий, похоже, этим нисколько не проникся.

– Ну конечно, ужасно, еще бы! Ха-ха! Вот заплатила бы сколько нужно, и жила бы себе припеваючи. Так ведь нет, на принцип пошла.

– Евгений Палыч, что вы такое говорите? – Обиделась Марго.

– Действительно, по-моему, ты забываешься! – Вступился за дочь Островский.

Но графа это еще больше развеселило.

– Ой, да что мы вообще об этой ведьме старой завели? Знал я ее, дрянная женщина была. Меркантильная развратни-

ца. Но ничего, как приедем, обязательно выпьем за помин души, да? Ха-ха-ха!!!

Антон уже хотел поставить графа на место, но сдержался. Во-первых, зная свою чрезмерную вспыльчивость, которая приносила ему немало хлопот, он старался никогда не действовать сгоряча. Во-вторых, не хотел выставлять себя заносчивым юнцом перед дочерью и отцом. Ну и в-третьих, уж больно хотелось узнать, чем все-таки этот Хавинский так насолил Петру Петровичу.

А насолил, оказывается, вот чем.

Как-то раз Островский, обедая в Английском Клубе, сел играть в карты с Марчином Хавинским, который был там почетным членом. Играли долго, причем магнат раздел своего соперника, что называется, «до гола». Но в итоге получилось, что Островский проиграл весьма внушительную сумму. Сначала, конечно, не поверил, и, публично назвав Хавинского шулером, призвал остальных в свидетели этого неслыханного безобразия. Но остальные, проанализировав ситуацию, пришли к выводу, что все было по-честному и долг, как это ни прискорбно, придется заплатить. Петр Петрович же, человек строгих правил, публично заявил, что не намерен давать деньги всяким мошенникам. После чего раскланялся и вышел.

Выигравшая сторона несколько раз присылала посольного с намерением напомнить проигравшему о сроках выплаты, но тот даже и слушать ничего не хотел. Тогда Хавинский

пошел, как выразился Петр Петрович, на «крайние меры». Именно этим крайним мерам и был свидетелем Антон Ковров. Даже не свидетелем, а невольным участником.

— Он решил выкрасть мою дочь и таким образом заставить меня заплатить. — Так окончил свой рассказ Островский.

— Но ведь это противозаконно, Петр Петрович. Неужели этот Марчин Хавинский настолько глуп, что не понимает, чем это ему может грозить?

Тот посмотрел на студента со снисходительной улыбкой. Этот взгляд ему не понравился, но он промолчал.

— Эх, мой дорогой друг, вы потому так говорите, что не знаете этого человека. У него большие связи и огромное влияние. И если он чего-нибудь захочет, непременно получит. Раньше я об этом только слышал, а сейчас, увы, пришлось самому столкнуться. И я не думаю, что кто-то смог бы доказать, что организатор похищения именно он. Понимаете?

Нет, этого Антон не понимал и не мог понять. Как человек, нагло и открыто преступив закон, может быть абсолютно уверен в своей безнаказанности? И как такому вот порочному Хавинскому открыт доступ в высший свет? Неужели он настолько прогнил, что терпит в своих рядах таких людей?

Но Петр Петрович, похоже, знал, о чем говорил, поэтому спорить с ним студент не стал, а спросил другое:

— Скажите, а как вы догадались, что вас хотел похитить именно он?

Островский, похоже, ждал этого вопроса, потому что от-

ветил тут же, без промедления.

– Вы видели того человека, который вас ранил? И я видел. Это его Цербер, сторожевой пес, который за километр не подпускает никого к своему хозяину. Служит ему, как верный джинн. Если Хавинский что-то прикажет, он беспрекословно исполнит. Более того, у него даже не возникнет мысли спросить «зачем»? Не знаю, откуда эта собачья преданность, но ходят слухи, что он готов отдать жизнь за своего хозяина.

– Этот альбинос?

– Да. В городе о нем ходят легенды. Поговаривают даже, что как-то раз на него напали восемь человек, и всех восьмерых он, что называется, положил на обе лопатки. Не знаю, так это или нет на самом деле, но человек он действительно опасный. Как он попал в услужение к Хавинскому, никто не знает. По национальности он турок, и имя у него подходящее – Явуз. Это значит «жестокий» или «беспощадный». Поговаривают, во времена русско-турецкой войны был башибузуком и где-то там познакомился с будущим хозяином. Вам еще несказанно повезло, что вы остались живы после встречи с ним.

Студент поморщился. Перспектива быть убитым каким-то башибузуком в уличной драке, в которую еще и встрял совершенно случайно, совсем ему не улыбалась. Антону подумалось, что если уж умирать, то как-нибудь героически. В бою, например. Или на честном рыцарском турни-

ре.

Карету снова качнуло на повороте, и Ковров случайно задел локтем графа. Хотел извиниться, но осекся. Чернокуцкий полулежал на сидении и посапывал носом. Задремал, поэтому толчка даже не ощутил. Возбуждение, спровоцированное выпитым алкоголем, наконец покинуло его и тело пожелало отдохнуть.

– Боже, неужели меня хотели похитить ради выкупа? – Расстроилась Марго. – Просто в голове не укладывается!

– Дорогая моя, не о чем беспокоиться. Можешь быть уверена, я никому не дам тебя в обиду. Кстати, к нам завтра на обед пожалует Илья Ильич. Ты уж, будь добра, прими его как следует.

– Илья Ильич? Папенька, да ведь он был у нас на прошлой неделе.

– Ну и что? Разве ты не рада такому гостю?

А это еще кто такой, подумал Ковров. Неужели ухажер?

Да нет, не может быть. Хотя почему, собственно, не может? У такой девушки, как Марго, этих ухажеров должна быть целая орда.

Нет, так не годится, нужно внести ясность, а то на душе как-то беспокойно.

– Маргарита Петровна, а почему вы так не хотите принимать у себя этого Илью Ильича? Он вам не нравится, да?

Спросил, и тут же пожалел об этом. Вышло совсем уж бесцеремонно. Как будто он, в конце концов, имеет право на

что-то претендовать. Но Марго искренность юноши оценила, и даже улыбнулась.

— Антон Семенович, — ответила она, — все дело в том, что Илья Ильич по-своему неплохой человек, но мне непонятно, отчего он добивается моей руки. Ведь я ему еще давеча дала понять, что между нами ничего нет и быть не может.

— Марго, родная моя, ты несправедлива к нему. Просто ты его плохо знаешь. Я уверен, когда познакомишься с ним получше...

— Папенька, что ты такое говоришь! Я знаю его достаточно, и признаюсь честно, у меня нет ни малейшего желания продолжать такое знакомство.

А она, оказывается, может и от ворот поворот дать, отметил про себя Антон. Надо же!

Карета Чернокуцкого сбавила ход и остановилась возле небольшого особняка, который, по-видимому, и принадлежал Островским. К воротам тут же подошел престарелый лакей, одетый в форменную ливрею, расшитую галунами. Он отворил ворота, а Игнат легко хлыстнул лошадей, чтобы те проехали в дом. Когда подъехали к извозчицкой, остановились. Чернокуцкий проснулся и стал тереть кулаками глаза.

— Узнал Вас, узнал, Евгений Палыч! — Затараторил лакей, подбегая к карете. — Узнал Вас, голубчик!

— Вечер добрый, старик. — Протянул граф, вылезая из экипажа и пожимая обрадованному лакею худую, сухощавую руку.

– Евгений Палыч, может, чайку с дорожки? Так это мы вмиг организуем, только слово.

Предложил он это так участливо и с такой добротой, что пьяный граф даже растрогался.

– Да ну что ты, старый, это лишнее. Спасибо тебе. Вот что-нибудь покрепче...

– Понял-понял! – Замахал руками лакей, умудряясь при этом виртуозно надеть белую перчатку на правую руку, которую он снял для того, чтобы поздороваться с Чернокуцким. – Будет исполнено. Вы главное в дом пожалуйста, милостивый государь, а наше-то маленькое дело мы исполним, уж будьте покойны. На то и служим.

Из пролетки тем временем вышел Островский, помогая спуститься Антону. Увидев хозяина, лакей тут же к нему подбежал. Удивленно посмотрел на незнакомого ему человека, но уже в следующую секунду лицо его снова приняло прежнее выражение, как будто старик потерял всякий к нему интерес. Лакей ничего не говорил, но было видно, что он ждет распоряжений.

Распоряжения эти тут же последовали.

– Василий, немедленно проводи этого человека в гостиную и посмотри его рану. Это может быть серьезно. Я подойду позже.

Василий учтиво склонил голову.

– Прошу прощения, Петр Петрович, – нехотя произнес он, – вам пришло письмо от Ильи Ильича Ремизов. Пришло

сразу после вашего ухода.

– От Ильи Ильича? Это хорошо.

Антону хватило одного беглого взгляда, чтобы понять, что дом этот ему безумно нравится. И даже не богатством, – а выглядел он безумно богато – а скорее своей декоративностью и вычурностью форм.

Сразу привлек внимание вогнутый фасад, по бокам которого росли тюльпаны и вздымались вверх витые каменные колонны, украшенные причудливыми орнаментами. С каждой стороны этих колонн было по три, и почему-то все они кучковались очень тесно друг к другу, в то время как остальная просторная часть фасада оставалась незанятой. Интересно, что сверху эти колонны были как будто срезаны, и срезаны наискосок, отчего создавалось впечатление какой-то незавершенности. Как будто разуму была дана возможность самому домыслить идею неведомого архитектора. Это впечатление укреплялось еще и всякими линиями и завитушками самых разных форм и размеров, которые как будто уходили куда-то вверх, а потом резко обрывались.

Подобные завитушки виднелись и на самом строении, правда, только между верхним этажом и аттикой. Большие окна в форме эллипса, по шесть на каждом ярусе, придавали дому вид непреступной крепости. Л-образная крыша, неповторимый дизайн и чрезмерная декоративность – все это красноречиво говорило о том, что постройкой занимались еще в 18 веке и относилась она к эпохе Растрелли.

Антон Ковров очень любил направление барокко. Хотя, если спросить его, чем оно отличается, скажем, от классицизма, он бы не ответил. Почему? Да потому что не знал. Как-то раз он несколько часов кряду простоял у одного красивого особняка, который произвел на него неизгладимое впечатление. Пришел туда не для того, что любовался красотами архитектуры, а нет. Дело там было личного и, можно даже сказать, интимного свойства. Но когда долго стоишь на месте без дела и перед глазами у тебя дом, волей-неволей всматриваешься в детали.

Вот и Антон всматривался. Очень уж он в душу ему запал. Потом только узнал, что стиль, в котором дом был построен, называется барокко. С тех пор безошибочно или почти безошибочно мог определить строение в этом стиле по определенным признакам. Таким, например, как преобладание сложных криволинейных форм и замысловатые орнаменты.

Антон шел по выложенной разноцветной мозаикой дорожке, придерживаемый с двух сторон лакеем и хозяином дома, хотя, в общем-то, в этом несколько не нуждался. Рана, как он сам чувствовал, была неглубокой, так что давала о себе знать только в момент резкого поворота влево. Единственное, что могло беспокоить молодого студента, так это инфекция, которая могла попасть в кровь. Однако, будучи человеком хоть и романтичным, но отнюдь не впечатлительным, он не придавал этому большого значения. Если рану вовремя обработать, столбняка можно избежать.

Вот распахнулись огромные двустворчатые двери, легонько скрипнули тяжелые петли, и они оказались в шикарной гостиной, каких студенту третьего курса Государственного Юридического Университета видеть еще не приходилось. Даже у генерала Вострикова, который недавно вернулся из Индии и привез оттуда украшений для своего дома рублей, наверное, на тысячу, и к которому они с матерью были приглашены прошлым летом, было не так изысканно и богато, как здесь. Это даже несмотря на то, что в своем кругу генерал слыл человеком неповторимого и изящного вкуса, умудрявшегося совмещать западную сдержанность с восточным шиком.

В доме Островских, правда, востоком и не пахло, но вот шик чувствовался во всем. Картины, висевшие на стенах, изображали каких-то герцогов и герцогинь в пестрых одеяниях, а статуи возле широкой лестницы, ведущей на второй этаж, были похожи на мифических птиц-грифонов с мечами наперевес. Они, словно два стражника, охраняли ее от посторонних. Действительно, довольно оригинально, в стиле старинных замков времен Вальтера Скотта.

Очень понравилась Антону и меблировка. Кресла и стулья с изогнутыми ножками, полированные столы: один большой, посреди гостиной, а другой, его меньший брат-близнец, в углу комнаты, возле фортепьяно. Приглушенное освещение создавало атмосферу таинственности и способствовало концентрации мыслительных процессов. Последнее, по-

жалуй, занимало важное место в жизни Петра Петровича, ибо занимаемая им должность не прощала даже самой малой оплошности и требовала постоянной работы ума. А зазеваешься, упустишь что-то из виду, так поминай как звали – конкуренты только того и ждут. Воспользуются образовавшейся брешью, да и скинут туда же. Здесь, что и говорить, нужно быть всегда начеку.

Островский оставил своих гостей и лакея в гостиной, а сам отправился в кабинет, который располагался по соседству, чуть дальше по коридору. Престарелый слуга усадил Антона в кресло и помог снять пальто. Когда с верхней одеждой был покончено, принялся за рубашку.

– Ой, батюшки-батюшки, – запричитал старик, осматривая рану Антона. – Дай-ка я за йодом сбегаю, промокну рязок. А то туда, небось, микробов-то этих, аспидов ядовитых, заползло немеряно. Сейчас, батюшка, сейчас.

И стремглав побежал куда-то наверх, видно, за йодом. Антон и Марго остались в гостиной одни. Граф не в счет, потому что отправился во двор на плохо слушающихся ногах давать какие-то распоряжения насчет своего экипажа.

– Скажите, вам больно? – Спросила Островская, присев на колени перед раненым и едва прикасаясь тоненькими пальчиками к больному месту.

Нет, Коврову совсем не было больно, как это ни странно. Наоборот, он ощутил приятную, сладостную дрожь. Но не в боку, а в животе. Она поднималась все выше и подкати-

ла к самому горлу. Это было похоже на электрический разряд, будто вместо пальцев у девушки были высоковольтные провода. От этого прикосновения Антон даже подпрыгнул на месте.

– Ой, вам нехорошо, да? Неужели так больно?

Он хотел сказать, что все бы отдал за еще одно такое прикосновение и за те непередаваемые ощущения, которые за этим последовали, но тут из коридора слышались мужские голоса. Кто-то шел сюда в гостиную и разговаривал по дороге.

– Значит завтра, говоришь, будет? – Раздался баритон Петра Петровича. – Ну что же, это хорошо, хорошо.

– К обеду обещали быть непременно, – сказал кто-то другой. – И еще просили передать, чтобы ваша дочь никуда не уходила.

– Ну, об этом я позабочусь.

Когда они вошли в гостиную, Антон увидел, что хозяин дома разговаривал с высоким мужчиной в безупречном по своей чистоте и свежести смокинге. Держался тот строго, чуть приподняв голову и сложив руки за спиной. Увидев, что этот господин был в белых перчатках, понял – дворецкий.

– Хорошо, Уильям, я вас больше не задерживаю, можете быть свободны.

Дворецкий, которого Островский назвал Уильямом, коротко кивнул, потом, бросив мимолетный взгляд на Марго и Антона, галантно поклонился. Через несколько секунд в

комнате его уже не было.

— Ты слышала, дорогая, завтра к нам на обед пожалует сам Илья Ильич. Очень тебя прошу, прими его как полагается и будь с ним повежливее.

Марго опустила глаза и еле слышно прошептала:

— Хорошо, папа.

— Вот и умница. Поверь, он не такой плохой, как тебе кажется. Стоит тебе узнать его получше, и могу тебя заверить, твое мнение о нем непременно поменяется. Он даже прислал нам записку. Вот, возьми.

И Петр Петрович протянул ей белый конверт, одна сторона которого была надорвана.

В конверте оказалась визитная карточка и коротенькая записочка в несколько строк. Писалось там следующее: «Уважаемый Петр Петрович! Не смею обременять Вас своими частыми визитами, а уж тем более Вашу единственную дочь, красота которой может сравниться разве что с первой весенней розой. Тем не менее, я имею непреодолимое желание завтра, после десяти часов утра, удостоить Вас присутствием моей скромной персоны. Также помимо моего желания, которое я бы ни в коем случае не поставил на первое место, ибо глубоко чту и уважаю Вас как человека редкой сердечной доброты и глубоких познаний в различных областях, в том числе тех, которые интересуют нас обоих, имеется еще и одно дело, которое я бы хотел с Вами обговорить при завтрашней встрече. Если Вы не возражаете насчет моей компа-

нии, буду весьма и весьма признателен. Искренне Ваш, Илья Ильич Ремизов.»

Что это было за срочное дело, можно было только догадываться. Но то, что оно было каким-то образом связано с дочерью известного магната, сомневаться не приходилось.

Магнат этот, обеспокоенный раной Антона, предложил ему остаться у них ночевать, пообещав выделить лучшую комнату для гостей. Молодому студенту эта идея понравилась, но оставаться в доме у незнакомых людей было для него совсем непривычно. Но после короткого разговора он все же согласился. Во-первых, время было уже позднее, и добираться до дому пешком не хотелось. Ну, а во-вторых, какая-от непреодолимая сила тянула его к Марго, хотелось видеть ее снова и снова. От одного только взгляда на нее на сердце становилось тепло.

Чопорный Уильям проводил его в комнату, предназначенную, как сказал Петр Петрович, «для самых почтенных гостей».

Действительно, даже самым почтенным из них не стыдно было остановиться в таких покоях: небольших, но обставленных с изяществом и вкусом. Старинного вида шифоньер занимал примерно четверть комнаты, украшенный какими-то загадочными гравюрами и драпировками. В стороне, чуть правее двустворчатого окна, стояла застеленная белоснежным постельным бельем двуспальная кровать. А на полу, выполняя функцию ковра, раскинулась шкура белого

медведя. Хотя Антон и был ярым противником охоты, но по достоинству оценил это украшение. У себя дома, конечно же, позволить себе такую роскошь он не мог.

Но больше всего поразила книжная полка, сплошь уставленная книгами, разными по размеру и содержанию. Заинтересовавшись, что же все-таки читают такие люди как Петр Петрович Островский, он принялся их изучать. Сначала брал одну книгу, смотрел заглавие, листал, потом клал на место и брал новую.

Действительно, интересно. Рядом с сочинениями Диккенса, Майн Рида, Купера и Стендаля уживались философские труды таких выдающихся людей как Сократ с его «Этикой», «Республика» Платона, Кант, Фейербах. Некоторые книги были новые, изданные несколько лет назад, но многие могли похвастаться своим возрастом, если судить по обтрепанным обложкам и пожелтевшим страницам. Но даже самая ветхая из них была в превосходном состоянии. Ни тебе пыли, ни тебе чернильных рисунков на полях. Сразу видно, хозяин относился к книгам очень бережно. Ради этих целей он и застеклил полку, дабы уберечь богатство знаний, накопленного за столетия, от разрушительного влияния времени.

Закончив осмотр и почитав немного основателя вселенского пессимизма, Антон решил прилечь. В боку немного побаливало, но не настолько, чтобы нельзя было уснуть. Усталость одолевала его больше, чем боль. Для этого, правда, пришлось лечь на правый бок.

Но поспать не довелось. Как только глаза его сомкнулись, а сам он готов был погрузиться в царство Морфея, дверь тихонько скрипнула.

Подумав, что это сквозняк, Антон нехотя открыл глаза и привстал с кровати, чтобы закрыть дверь, но вдруг увидел в проеме человеческую фигуру. Было темно, так что рассмотреть вошедшего не получилось. Расстроившись, что его потревожили, он спросил, кто это.

– Это я, не волнуйся, – раздался приятный женский голос. Марго!

В первую секунду студент растерялся. Почему она пришла к нему так поздно? Неужели что-то стряслось?

Но его беспокойства тут же рассеялись, когда она подошла ближе и он увидел ее сияющее лучезарной улыбкой лицо. На сердце сразу потеплело.

– Я пришла узнать, как твоя рана. – Обратилась к нему Марго. Впервые эта девушка назвала его на ты, отчего сердце бешено заколотилось.

Подошла к раненому, присела на край кровати, провела рукой по его волосам. Посмотрела прямо в глаза.

Около минуты тянулось молчание, и Антон выдерживал этот взгляд, не в силах вымолвить ни слова. Казалось, время замерло на месте, и малейшее движение или слово могло навсегда разрушить это блаженное состояние, в котором он сейчас пребывал. Никогда еще ему не было так хорошо и так странно. В эти мгновения существовал только он и она, а все

остальное осталось где-то в другой реальности, за пределами этого мира.

На какую-то четверть секунды рассудок вернулся к нему, и он, увидев со стороны свое оцепенение, подумал, что его заколдовали. Но колдовство это было настолько приятным, что возвращаться в суровую действительность не хотелось. Он бы отдал всё, чтобы остаться в таком состоянии как можно дольше.

– Я еще раз хотела выразить вам благодарность за ваш поступок. – (Ну вот, опять «Вам», поёжился Ковров) – Вы рисковали своей жизнью ради меня и папеньки, готовы были умереть ради совершенно незнакомых людей. Вы как рыцарь Айвенго, спасающий свою Ровену.

Такой простодушный энтузиазм заставил юношу взглянуть на девушку с такой нежностью, с какой любящий отец смотрит на единственную любимую дочку, которой не может налюбоваться. Этот взгляд не остался незамеченным, поэтому она спросила:

– Почему вы на меня так смотрите?

И тут же улыбнулась. Ее рука спустилась чуть ниже, с волос на плечо. Ковров решился, наконец, дотронуться до неё, и погладил ее шелковистые волосы. Марго не сопротивлялась, а улыбнулась еще раз.

– Знаете, ради того, чтобы еще раз увидеть вас, я готов и не на такое, – заговорил студент.

Антон, правда, хотел сказать совсем другое. Привычка

формулировать в голове каждую фразу, прежде чем произнести ее вслух, закрепились за ним еще в детстве, ибо отец учил: «Прежде чем что-то сказать, хорошенько подумай». Но сейчас папины наставления были ни к месту. Говорить совсем не хотелось.

– И на что же вы готовы? – Кокетливо спросила она.

Пришлось все-таки ответить:

– На все.

Коврову было приятно, что после этих его слов она улыбнулась. И тут же сказала непонятное:

– Значит, и на это тоже.

На что «это», Ковров в первое мгновение не понял. А в следующее растерялся, потому что Марго вдруг с невероятной силой повалила его на кровать, прижала руки к подушке и, как пишут в романах, прильнула устами к устам. Поцеловала с такой страстью, что в порыве чувств прокусила Антону нижнюю губу. Рана закровоточила.

– Ой, прости меня, я не хотела, – извинилась она, когда увидела, что натворила. И тут же глупо хихикнула, как ребенок, натворивший мелкую пакость.

Но Ковров никакой боли не почувствовал. Сердце заколотилось, рассудок помутнел. Он уже не понимал, что делает и зачем делает. Просто взял девушку, кинул на кровать, сел на нее сверху и поцеловал. Но эта бесцеремонность, похоже, ничуть не смутила Марго. Она ответила на этот поцелуй, обвила его шею обеими руками.

Время для Антона Семеновича Коврова, студента третьего курса Государственного Юридического Университета, остановилось.

Глава 4

Первое, что заметил Антон, когда проснулся, было то, что он лежит в кровати один. А ведь точно помнил, что засыпал с ней в обнимку. Рядом лежала смятая подушка, но самой Марго не было.

Встал, подошел к окну, одернул шторы. Глаза резануло ярким солнечным светом. Должно быть, уже утро, и далеко не раннее. Боже, который час?

Наспех одевшись, спустился вниз. Рана по-прежнему болела, но уже не так, как вчера. Ночной отдых явно пошел организму на пользу. Если, конечно, то, что случилось ночью, можно назвать отдыхом.

Увидел в гостиной Марго и сразу успокоился. Она сидела за столом и завтракала. Но платье на ней было почему-то черное, а волосы, еще вчера распущенные, были спрятаны под платок, которым она перевязала голову. Станный наряд для утренней трапезы.

Антон сразу же ощутил напряженность, царившую в гостиной. За столом сидели несколько человек. Кроме Марго был там и сам Петр Петрович, и его сердечный друг-картежник Чернокуцкий, и еще двое, Антону незнакомых. Все внимание этих людей было сосредоточено еще на одном человеке, который не сидел, а стоял. Высокий, статный, с длинной

черной бородой и крупными руками. По-видимому, только что зашел, потому что пальто он не снял и был в ярко-алых кожаных перчатках, хотя на улице совсем не холодно.

— А я вообще не понимаю, как у вас хватило наглости явиться сюда после того, что вы сделали?! — Негодовал Островский. — Да вы знаете, что я могу отдать вас под суд?!

Грозная реплика и тон, каким это было сказано, вовсе не испугали утреннего гостя. Он лишь улыбнулся, как будто услышал в светском обществе забавную шутку. Улыбка эта, однако, не понравилась Антону. Какая-то недобрая, насмешливая.

— Вы лучше помолчите с вашим судом, многоуважаемый Петр Петрович. Много перевидал я таких, как вы, но уж поверьте, никому еще меня не удавалось запугать. Чужого мне не надо, но свое возьму, не сомневайтесь. Или не быть мне Марчином Хавинским.

Ага, Хавинский, вот это кто!

Услышав это имя, Антону захотелось рассмотреть поближе человека, осмелившегося бросить вызов самому Островскому. Можно не сомневаться — в обществе это дело произведет неслыханный фурор.

Ковров бесшумно спустился еще на несколько ступенек (ибо это беседа застала его на полпути), и прильнул к колонне, которая находилась справа от лестницы. Особо не прятался, но и не глаза старался не попадаться. Стоял совсем близко к столу, но так, что он видел всех, а вот его было неза-

метно. Помогла еще гардина, частично скрывающая невольного свидетеля от посторонних взоров. Таким образом, Антон занял очень выгодную позицию, или, как сказали бы на фронте, дислокацию.

– Да что вы себе позволяете, в конце-то концов! – Островский был в гневе, но старался держать себя в руках. – Ваше место не в приличном обществе, а на каторге, среди таких же негодяев, как вы сами. Вчера вы имели наглость покуситься на самое дорогое, что у меня есть – на мою дочь. Неужели вы надеетесь, что это сойдет вам с рук?

– Давайте не будем горячиться, ладно? Вы сами поступили, мягко говоря, неблагородно. Зачем обидели моего курьера? Я присылал его к вам с добрыми намерениями, напомнить о долге, который я рассчитываю с вас получить. А вы что же? С лестницы его спустили. Нехорошо, мой друг, нехорошо. Оторвали меня от дел, заставили явиться лично. Кроме того, вынудили прибегнуть к грязным методам, а я этого не люблю. Но еще больше не люблю упрямства, которое так не идет людям в вашем положении. Вы ведь знаете, я всегда получаю то, что хочу. Так что давайте лучше заплатите, тем дело и кончится. А иначе...

– А вы действительно редкостный прохвост, милейший Марчин Конрадович, – вступил в разговор граф, который, несмотря на довольно ранний час, потихонечку опорожнял бутылку «Императорского». – Петр Петрович, а хотите, я вызову его на дуэль? А что, стреляю я неплохо, с двадцати

шагов горлышко от бутылки сбиваю. Пуля в лоб, и поминай как звали. Вечная память и все такое.

Хавинский пригрозил графу огромным кулаком.

– А вы помолчите, Чернокуцкий, и до вас черед дойдет.

Тут из-за стола поднялся невысокий худенький человек, Антону не знакомый. Нижняя губа у него подрагивала, брови нахмурились, а нежное, почти детское лицо исказилось от страха.

– Возмутительно! Я, Андрей Александрович Кравцов, как поверенный Петра Петровича, официально заявляю, что за ваши противозаконные действия, а именно: попытка похищения двух человек, шантаж, вымогательство, жульничество, вы будете отвечать перед судом Российской империи по уголовным статьям, предусмотренным законом...

И осекся, потому что прямо в лицо ему смотрело дуло револьвера. Необычайно быстрым движением, какого никак нельзя было ожидать от этого крупного и на первый взгляд неповоротливого человека, Хавинский достал оружие и направил его не поверенного. Тот от неожиданности раскрыл рот, да так и остался стоять, от страха не в силах пошевелиться.

– Вы с ума сошли! – Закричал Островский. – В моем доме!!!

– Ну что же вы, Андрей Александрович, замолчали? – Хавинский еще крепче сжал рукоятку револьвера, и алая перчатка натянулась, скрипнула кожей. – Продолжайте, мы вас

внимательно слушаем. Ага, так вы закончили? Позвольте тогда мне кое-что вам сказать. Австро-венгерский револьвер Гассера, модель М1870, калибра 11.25. Шестизарядный, вес – около полутора килограмм. Ударно-спусковой механизм двойного действия снабжен предохранителем в форме плоской пластины над спусковой скобой. В черепной коробке делает отверстие размером со спелую вишню. Тяжеленькая машинка, зато надежная. На моей памяти не было ни единой осечки. Ну, говорите же, за что я там буду отвечать?

– Немедленно уберите оружие, Марчин, это переходит все границы. – Островский закрыл глаза, видимо, сдерживая себя из последних сил. Вены на лбу вздулись, кулаки судорожно то сжимались, то разжимались.

Марго закрыла лицо руками, но даже не вскрикнула. Из своего укрытия Антон заметил, что ей очень страшно. Если бы Марчин, этот гнусный подлец, направил револьвер на нее, Ковров бы не задумываясь выбежал и хуком справа сбил его с ног. Удар у него был сильным: он одно время увлекался английским боксом и однажды даже нокаутировал чемпиона из параллельного курса. Но сейчас предпочел не горячиться и остался на месте, посмотреть, чем все закончится.

А обстановка все накалялась. Сердце забилось быстрее, конечности обдало электрическим разрядом – явный признак выброса в организм адреналина.

– Маргоша, рыбонька моя, не волнуйтесь вы так, все скоро кончится, – обратился второй незнакомец к девушке, да

еще и совершил бесцеремонность: воспользовавшись тем, что сидел рядом с ней, приобнял ее и поцеловал в щечку. Коврова передернуло.

Но надо отдать ей должное, подобной бестактности она не стерпела. Даже не развернувшись к своему соседу, вlepила ему пощечину.

Точнее, хотела дать, потому что ее тоненькая ладошка взяла чуть выше и только скользнула по волосам немолодого уже господина. А господин этот был не только не молод, но еще тучен и необыкновенно безобразен собой. Обвисшие щеки и тонкие длинные уши делали его похожим на бультерьера. Антону он не понравился сразу.

– Не смейте ко мне прикасаться, мерзкое животное! – Завопила Марго. – Я вас ненавижу! Я вас... я вас...

И стала бить его своими ручками, наотмашь. Но «животное», как метко окрестила его очаровательная девушка, взял ее кулачки в свои ручища и прижал их один к другому, что не составило ему особого труда. А сам сидит да посмеивается, переводя взгляд то на Петра Петровича, то на державшего револьвер Хавинского, словно призывая их в свидетели этой милой женской истерики.

– Да хватит вам уже в самом деле! – Повернулся к ним хозяин дома, уже на пределе нервного срыва. – Марго, не волнуйся, все будет хорошо. Тебе лучше пойти в свою комнату и немного успокоиться. Илья Ильич, я вас прошу как порядочного человека, отведите мою дочь наверх, в комнату. Ей

лучше здесь не находиться, я потом к ней поднимусь.

— Да-да, конечно, как изволите.

Илья Ильич Ремизов, а это был он, взял Марго за руку, вывел из-за стола и пошел к лестнице. Девушка отдернула руку, но наверх все-таки пошла. Ее немилый спутник последовал за ней.

Они прошли прямо возле Антона, но его не заметили. Зато он сумел разглядеть очаровательный профиль Марго, ее покрасневшее личико и сжатые от негодования губки. Даже в этом состоянии она была хороша собой, и Антон едва сдержался, чтобы не выйти и не поцеловать ее в эти самые губы.

Прямо за ней проследовал Ремизов, но профиль его был совсем не очаровательный. Скорее наоборот, отталкивающий. Раньше Антон считал, что подобные индивидуумы: толстые, противные и с безобразным лицом, встречаются только в газетных карикатурах. Именно так народовольцы изображали генералов, помещиков и других представителей буржуазного сословия. Сейчас же он готов был поменять свою точку зрения — не только там. А когда Илья Ильич зло ухмыльнулся (видел это только Антон, поскольку тот стоял ко всем спиной и лишь к нему одному боком), то студент его просто возненавидел. Ведь есть же такие субъекты, которые вызывают антипатию вроде бы безо всяких причин, на подсознательном уровне, пронеслось в голове притаившегося студента. Илья Ильич Ремизов явно принадлежал именно

к этой категории людей.

Коврову очень не хотелось отпускать девушку с этим человеком, но делать нечего. Иначе пришлось бы выйти из своего укрытия, а делать этого он пока хотел. Лишь проводил взглядом поднимающуюся пару, насколько хватило обзора, и снова развернулся лицом к гостиной, где происходили события поинтереснее.

Он увидел, что незванный утренний гость все еще держал на мушке юриста. Чернокуцкий стоял чуть поодаль и пил коньяк, а сам хозяин дома смотрел на того немигающим взглядом. Хоть глаз его Антон видеть не мог, но чувствовал, сколько в них было ненависти и презрения.

– Немедленно убери револьвер, сукин ты сын, иначе, клянусь Богом, я задушу тебя прямо здесь!

Но тот, вместо того чтобы убрать оружие, направил его прямо в грудь Петру Петровичу.

– Задушить меня хотите? – Рассмеялся обладатель шестизарядного Гассера. – Ну что же, не вы первый. Но вы жалкая и ничтожная личность, которую я бы сам раздавил, будь на то моя воля. А сейчас я хочу получить свои деньги, причем немедленно.

Вдруг сзади послышалось какое-то движение. Антон развернулся и увидел, что в гостиную, через боковую дверь, вошел Уильям. Но вместо подноса и матерчатой салфетки в руке у него был большой черный револьвер, отсвечивающий вороненой сталью. Дуло было направлено прямо на Хавин-

ского. Тот развернулся на шум, но повернул только голову. Рука с оружием осталась в том же положении.

– Бросьте револьвер немедленно! – Приказан англичанин. – Одно ваше слово, Петр Петрович, и я сию же минуту провожу этого господина.

Сказал спокойно, сдержанно, на лице не дрогнул ни один мускул. Видно, эмоции этому человеку были несвойственны от природы.

Островский ничего не ответил, зато отозвался польский шантажист.

– О, а вот и наш дворецкий. Сторожишь своего хозяина, да?

– Я два раза повторять не буду, господин Марчин. Пристрелю как бешеную собаку, будьте уверены.

И ясно было, что действительно пристрелит. Курок был взведен, и достаточно было дернуть пальцем, чтобы Марчин Хавинский перестал существовать. Тот, видно, это понял, а потому решил проявить благоразумие и опустил свой Гассер.

– Да ладно вам, Уильям, никто вашего хозяина трогать не собирается. С мертвого, как говорится, должок не получишь. А вы, – он обернулся к бледному Андрею Александровичу, – свои приговоры будете читать в судебной палате, вам понятно? А мне эту чепуху вешать не надо, очень уж этого не люблю.

Револьвер незваного утреннего гостя отправился во внутренний карман пальто. Дворецкий опустил свой и обратился

к Островскому.

– Ну так что, Петр Петрович, прикажете удалить этого господина?

– Эх, Уильям, этим делу не поможешь. Нужно как-то решать вопрос.

Марчин потуже натянул свои перчатки.

– Вот именно, нужно решать. Я и так потратил слишком много драгоценного времени. Или вы вообразили, что у меня нет больше никаких дел? Ошибаетесь, мой друг, ошибаетесь. Давайте и вправду решать наше с вами дело. Сумма весьма незначительная для такого человека как вы, и нам обоим это наилучшим образом известно. Я предпочел бы получить свои пятьсот рублей и в ту же минуту раскланяться.

– Уж не собираетесь ли вы и вправду ему заплатить? – Вступил в разговор молчавший до сего момента Чернокуцкий. – Да лучше бы Уильям его пристрелил, право слово. Мы бы сказали, что он первым на нас напал. А ведь оно так и было, не так ли?

– Я бы на вашем месте помолчал, граф. Ваше мнение здесь никому не интересно.

– Ну, кому не интересно, а кому и интересно, – Евгений Павлович, стоящий в другой стороне гостиной, стал подходить к Хавинскому, оставив недопитую бутылку на столике. – Наблюдаю я за этим цирком, и никак в толк не возьму, как это вы так, милейший Марчин, опустились? Уже стали оружием угрожать нашему другу и его уважаемым гостям.

Как интересно. Раньше за вами такого не водилось. Мельчаєте, мельчаєте. Хочу, чтобы вы знали: я к вам не испытываю никаких чувств, потому что вы животное, бешеная собака, как точно выразился Уильям. Хотя нет, постойте! Одну эмоцию я, пожалуй, к вам испытываю. Это презрение. Да-да, ведь собак именно презирают, верно? Вот и я вас презираю. С таким как вы я бы ни за что не сел играть в карты, а вот Петр погорячился. Ну проигрался он вам, и что? Отдавать теперь долг? А вы слышали, чтобы собаке отдавали долг? Ну правда, слышали вы когда-нибудь такое?

Пока говорил, все приближался к поляку. И вот, он уже стоит к нему вплотную. Лицо разгоряченное, красное, но озаренное пьяной улыбкой гусарского балагура. Последнее было неудивительно, потому что граф был действительно пьян.

Надо отдать должное Хавинскому: за все время, пока Чернокуцкий к нему шел, он не попятился, продолжая стоять на месте. Похоже, не испугался.

– Бросьте нести вздор! Отойдите, не то я за себя не ручаюсь. Предупреждаю вас, граф.

Обстановка накалялась. Горячий Чернокуцкий мог напасть на негодяя, и тогда кровопролития не избежать. Заряженный револьвер вряд ли его испугает.

– Немедленно прекратите! – Рывкнул промышленник, да так громко, что оба развернулись к нему – Извольте пройти в мой кабинет, там мы с вами и потолкуем. Наедине.

– Что?! – Не поверил своим ушам граф. – Он пытался тебя похитить, угрожал, и ты собираешься с ним разговаривать? Да что с тобой?

– Свои проблемы я решу сам, Евгений. Не лезь.

Сказано это было тоном, не терпящим возражений. И Чернокуцкий повиновался, отошел на несколько шагов.

– Так-то лучше, – поляк сжал кулаки. – Но только без глупостей. Учтите, у меня в кармане револьвер, и я не премину пусть его в действие. Вы меня знаете.

– С вас станется. – Тихо прошептал Островский, но Антон услышал.

Островский встал и прошел в свой кабинет, двери которого примыкали прямо к гостиной. Хавинский отправился за ним. Антон услышал, как хлопнули двери. Промышленник и шантажист остались наедине.

Ох, дорого бы он отдал, чтобы услышать, о чем они там говорили. Интересно, заплатит ли Петр Петрович своему недругу, или же пойдет на попятную? Вообще, студента удивило, что он, человек строгий и выдержанный, так запросто спустил оскорбления и свой адрес и в адрес своих гостей. На людей склада Петра Петровича Островского это было не похоже. Хотя кто их там знает, эти порядки в высшем обществе?

Когда он стал рассуждать об этом, то призадумался. Только вчера вечером он попал в этот дом, а уже произошло столько всего интересного и в то же время непонятного. Та-

инстинктивный шантажист и не менее таинственный телохранитель, какой-то денежный долг, подозрительный дворецкий с револьвером наперевес, какой-то Илья Ремизов, добивающийся руки Маргариты и ведущий себя с ней за столом столь бесцеремонным образом. Да и сама Марго...

Когда подумал про Марго, передернулся. Вспомнил о прошлой ночи. Он до сих пор чувствовал ее запах, прикосновение нежных пальцев, томное дыхание в порыве страсти. И произошло все как-то сразу, в один момент, но казалось, прошла целая вечность. Он даже не мог дать этому названия, потому что ничего подобного с Антоном еще не случалось. И забыть такое было никак невозможно.

Неужели он влюбился? Довольно странно, если учесть, что знает ее всего одну ночь. Одну, но зато какую! Безумную, страстную, озаренную божественным светом.

Эта ночь перевернула в нем все. Появилось ясное осознание того, что без этой девушки он уже не сможет. Настолько глубоко она засела в его сердце, настолько слился он с ней тогда, на мягкой кровати, что, казалось, частичка этой прекрасной девушки навсегда осталась в его душе и уж больше никогда ее не покинет. И как он хотел обнять ее сейчас, успокоить, провести ладонью по ее черным, распущенным волосам.

И быть с ней рядом. Всегда. Да, пусть она ведет себя немного странно, пусть выросла совсем в других условиях и по-детски наивна, но это не портит ее, а скорее наоборот

– придает неповторимое очарование, перед которыми невозможно устоять. Разве редкий цветок не требует особого ухода, особых условий содержания? И разве Марго – не этот редкий цветок? Думая об этом, Антон поймал себя на том, что плачет, и сам на себя разозлился. Проклятая впечатлительность! Вроде уже не ребенок, а распустил нюни. Тоже мне, шекспировский Ромео.

Кравцов и Чернокуцкий остались в гостиной одни (Уильям вышел на кухню). Стали делиться впечатлениями.

– Это не человек, а сущий дьявол, Евгений Павлович. Вы видели?

– Никакой он не дьявол, а просто заносчивый хвостун, которого не мешало бы проучить. Да и потом...ик!... Ух ты, снова началось. Как выпью, начинаю икать, видели вы что-нибудь подобное? Ха-ха. Вот всегда так. Как говорится, не хочешь икать, не пей. Ну а мне, вижу, уготовано икать всю оставшуюся жизнь. Такая вот...ик!... Проблема.

Но Андрею Александровичу было явно не до шуток. Он до сих пор не мог прийти в себя после этой сцены с револьвером, и лицо его, побелевшее от страха, так белым и осталось. Не привык поверенный, видать, к подобным штукам. Да и дела, должно быть, решал по большей части мирные, не уголовные.

– А пойдемте-ка с вами покурим, а? У меня есть замечательные сигары, по пять рублей штука? Не желаете ли угоститься?

Кравцов желал, поэтому ответил утвердительно.

– Но имейте в виду, – добавил он, – Петр Петрович не переносит запаха дыма. Придется нам с вами проследовать на крыльцо, в беседку. Там замечательная курилка для гостей.

– Бывал там неоднократно...ик!... И согласен с каждым вашим словом. Курилка и вправду потрясающая.

– В таком случае, прошу.

Чернокуцкий стал шарить глазами в поисках чего-то, а потом громко, что было сил, позвал дворецкого. Тот в мгновение ока появился в дверях, как будто все время там и стоял.

– Уильям, где мой плащ, черт бы тебя побрал?!

Но англичанин на фамильярное обращение совсем не обиделся. Похоже, в этом странном доме это было в порядке вещей. А может, Уильям не отреагировал потому, что исходило это из уст ни с кем не церемонившегося, но зато доброго и честного графа?

– Прошу вас, Евгений Павлович.

Плащ тут же нашелся. Оказалось, Чернокуцкий бросил его на диван, в самый угол гостиной.

– Мать Божья, почему он такой мятый? – Негодовал граф. – Карамба, готов дать голову на отсечение, что вчера, когда мы пришли сюда с Петром, он был только из прачечной и выглажен, как лысина английского премьер-министра.

Но на лице Уильяма не дрогнул ни один мускул, и он ответил в таком же спокойном тоне:

– Прошу меня извинить, но вы, после того как бросили

его на кровать, изволили на него лечь и проспали так до сегодняшнего утра.

– В самом деле? Ик!... Скажите, многоуважаемый и горячо любимый мой... Ик!... Уильям, а я был сильно пьян вчера?

– Не более чем сейчас, граф.

– Да ну?! А вы знаете, что я вас очень-очень люблю и горячо уважаю? А ну говорите, знали или нет?

Но и здесь лицо уроженца Туманного Альбиона осталось непроницаемым.

– Всегда это знал, мой дорогой граф.

– Вот люблю я его, ей-Богу люблю, не поверите, – все приговаривал Чернокуцкий, обращаясь уже к Кравцову. – Помню как-то раз...

Но о чем дальше говорил выпивший Евгений Павлович, Антон не слышал, потому что они с Андреем Александровичем вышли на улицу. Вскоре, убрав со стола грязные приборы, ушел и Уильям. В гостиной никого не осталось.

Пойти и мне, что ли, покурить, подумал студент.

Сообразив, что в своем укрытии делать больше нечего, он направился к входной двери. Не прошло и полминуты, как он уже шагал по выложенной мозаикой дорожке по направлению к беседке, которая располагалась слева от особняка. Беседка эта имела форму арки, а к ней вели две массивные ступеньки, такой же расцветки, как и дорожка к дому. Вокруг росли тюльпаны, контрастируя цветом своих бутонов с

черными решетками курилки. Трава была аккуратно пострижена заботливым садовником. Сад у Петра Островского был хоть и невелик, но поистине красив.

Но посмотрев на улицу, за решетчатое ограждение, Антон обомлел. За воротами стояла черная карета, запряженная отличной двойкой. Та самая, в которую вчера вечером пытались затащить богатого промышленника и Маргариту Петровну. Лошади от безделья перебирали копытами и крутили головами из стороны в сторону, щурясь от яркого полуденного солнца.

На козлах, свесив ноги, сидел страшный альбинос. Теперь, присмотревшись повнимательнее, Антон увидел, что он действительно турок. Восточный разрез глаз, орлиный нос, густые, взлохмаченные брови. Правда, волосы на голове не черные, а бесцветные.

И одет он не так, как вчера. На нем был прекрасного покроя широкий светло-коричневый камзол, обшитый красной каймой. В руках он крутил кинжал, и острый клинок отбрасывал золотистые солнечные блики. Увидев Антона, турок прищурился, и лицо его исказилось нескрываемой злобой. От такого взгляда внутри у молодого студента все похолодело. Выходит, узнал.

Не желая смотреть на недоброго турка, Антон Ковров отвернулся и зашагал дальше к беседке. Чернокуцкий и поверенный Кравцов курили сигары, пуская под кованный навес клубы сизого дыма. Увидели студента, улыбнулись.

– О, вот и наш вчерашний спаситель, – поприветствовал его граф. – Вы знакомы с...Ик!...С Андреем Александровичем?

Поверенный чуть заметно кивнул и протянул ему руку. Поздоровались.

– Антон Семенович Ковров, очень рад познакомиться.

– Взаимно, Петр Петрович о вас рассказывал. Вы молодец, очень одобряю ваш поступок.

– Благодарю вас, Андрей Александрович, но одобрять тут нечего. Любой человек, обладающий чувством собственного достоинства, поступил бы так же.

– Тем не менее, примите мою искреннюю благодарность. Петр Петрович не только мой клиент, но и хороший друг. И я горжусь, что такой замечательный человек как он не брезгует порой спросить у меня совета. Но ладно, что это я о себе? Как вы, как ваша рана?

– Благодарю, уже лучше.

– Очень рад. А вы слышали, мой новый знакомец, что произошло сегодня утром, вот только что?

Антон подумал, что не стоит строить из себя неосведомленного. Но и раскрываться полностью он был не намерен.

– Если вы про мерзавца Хавинского, то знаю. Услышал обрывки вашей беседы в столовой.

– Это не мерзавец, а сущий дьявол! – Произнес поверенный, но непонятно, кому именно адресовал свои слова – то ли Антону, то ли самому себе.

– Граф имел честь упомянуть имя этого человека вчера вечером. То, что он редкостный мерзавец, я уже понял. Но чем он так страшен, что сам Петр Петрович, как мне показалось, его побаивается?

Поверенный выпустил кольцо сигарного дыма. Посмотрел, как оно медленно расползается под потолком, а потом ответил:

– Почему он так опасен, мало кто знает наверняка. Но вокруг него ходят множество нехороших слухов. Поговаривают, что на его совести несколько нераскрытых убийств, а также шантаж, вымогательства и прочие незаконные авантюры. Было предпринято немало попыток, в том числе и с моей стороны, отправить его в арестантские ссылки, но всякий раз ему помогала какая-то неведомая сила. То свидетель куда-то исчез, то улики оказывались недостаточно. А однажды приключилась история, которая буквально потрясла всю общественность. Скажите, вы слышали что-нибудь про бриллиант Стелла?

Антон раскурил любезно предложенную сигару и с первой же затяжки скрутился пополам в приступе продолжительного кашля.

– Что с вами? – Перепугался Кравцов, усиленно хлопая по спине задыхающегося студента.

– Простите ради Бога, дымом поперхнулся, – ответил юноша, разогнувшись. Лицо его было красное, как панцирь только что сваренного рака. – Слишком крепкие. Как вы их

курите?

– Отменные сигары, – обиделся Андрей Александрович. – Кубинские, высшего качества. Сам Дизраэли, говорят, такие курил.

– Не буду спорить, но мне от них плохо.

Поверенный развел руками.

– Прошу извинить, других не имею.

Антон взял его за рукав.

– Это ничего, совсем ничего. У меня есть свои, в комнате. Если не возражаете, я мигом сбегаяю и вернусь. А вы мне про бриллиант расскажете, ладно? Очень уж охота послушать.

– Да, прошу вас. Мы подождем.

Ковров быстрым шагом проследовал в дом и через несколько минут вернулся, держа в руке сигару. Она была гораздо тоньше той, которую предложил ему поверенный. Чиркнул зажигалкой, прикурил.

– Слабенький вы, как я погляжу, – укоризненно заметил граф. – Настоящие мужчины предпочитают...ик...Крепкое курево. В нашем полку только такие и курили.

Антон пожал плечами, но ничего не ответил.

– Прошу вас, Андрей Александрович, продолжайте, – попросил юноша. – Вы остановились на драгоценном камне. Стелла, кажется?

– Да, Стелла! Это легендарнейший драгоценный камень в Европе. Весит, кажется, более пятидесяти пяти карат. Видел его несколько раз, но увы, только лишь на картинках, в сбор-

никах «Западные и восточные драгоценные камни». Скажу прямо, камень небывалой красоты, и он сразу же привлек мое внимание.

Сказано было с воодушевлением, потому что бриллиант этот действительно однажды поразил воображение молодого студента. Хотя к драгоценностям он был равнодушен и читал о них исключительно ради собственного удовольствия, но оценивал их не за их денежную стоимость, а исключительно за внешнюю красоту.

– Ну что же, неплохо. Что еще можете о нем сказать?

Антон кое-что читал об этой реликвии и не преминул случаем блеснуть эрудицией.

– Насколько я помню, камень этот, как и многие другие, был привезен из Индии, еще очень давно. В Европе же его впервые увидели у короля Карла Смелого. Говорят, что Карл, согласно арабскому поверью, считал, что из двух воюющих сторон побеждает та, которая владеет более тяжелым алмазом. Поэтому после того, как голландский дворянин Луи де Журвель ограбил этот камень, Карл повелел вставить его в свой шлем наподобие кокарды. В битве с войсками швейцарцев Карл Смелый вступил в поединок с самым храбрым воином противника, превосходившем его по физической силе. На своем боевом коне он промчался вдоль вражеского войска, развернулся на скаку и неожиданно для всех стал напротив солнца.

Все удивились такой элементарной тактической ошибке.

Однако это совсем не было ошибкой: во время поединка Карл стал мотать своей головой из стороны в сторону, солнечным зайчиком от бриллианта ослепил противника и ловко проткнул его шпагой.

Однако победы ему это не принесло, потому что войско его потерпело сокрушительное фиаско, а сам он был убит прямо на поле боя. Стеллу нашел на обледенелом поле какой-то швейцарский солдат и продал его местному священнику всего за один гульден, так как не знал настоящей стоимости камня. Потом он каким-то образом попал к португальскому королю, а уже после – к маркизу Николя де Вале, отпрыску французской династии Валуа и близкого друга Генриха Третьего. У маркиза он пробыл довольно долго, а потом оказался у английского короля Якова Первого.

– Все так, мой юный друг, все так, – сигара Андрея Александровича потухла, и он раскурил ее снова. Вижу, с этой легендой вы знакомы. А знаете ли вы, что за камнем охотился сам Наполеон, но так и не смог найти?

– Что-то не припомню.

– Он послал на поиски своего самого хитрого и умного агента, но тот не смог отыскать никаких следов этой реликвии.

– Да, точно. Потом Стелла оказалась в России, правильно? В 1828 году, когда ее приобрел владелец российских угледобывающих заводов Сергей Покровский.

– И заметьте, приобрел незаконно! – Подмигнул Андрей

Александрович. – К Покровскому алмаз попал через дочь Франциска I, короля обеих Сицилий. Доподлинно известно, что вскоре после этой покупки, он слег с какой-то странной болезнью, похожей на тропическую лихорадку. Лекари только руками разводили. Чем только не лечили, какими травами не потчевали – все зря. Преставился уважаемый миллионщик в страшных мучениях. Ну, а бриллиант по наследству достался его законной супруге, княгине Аделаиде Покровской. Что было дальше, знаете?

Антон улыбнулся, будто Андрей Александрович задал ему глупый вопрос.

– По-моему, это всем известно. Княгиня, похоронив со всеми почестями мужа, вышла замуж за известного на тот момент историка Филиппа Вяземского. И до сих пор камень находится у нее. Кстати, два года назад у нее скончался единственный сын.

Поверенный усмехнулся.

– То есть вы считаете, что Стелла до сих пор находится в её коллекции?

– А как же иначе? – Удивился Ковров.

Студент невольно бросил взгляд на лужайку, где стояла карета Хавинского, и увидел, что страшного альбиноса на козлах уже не было. Куда, интересно, он подевался? По малой нужде отлучился, что ли?

Андрей Александрович присел на скамейку, выпустив облако сигарного дыма. Некоторое время он сидел, не произ-

неся ни слова. Потом сказал:

– А если я вам скажу, что бриллиант сейчас находится во-все не у княгини Покровской, о которой вы только что упо-минали, а совсем у другого человека?

– Знаете ли, я так подробно не углублялся в историю. Да и потом, она кишит пробелами, и восстановить всю цепочку передвижений Стеллы вряд ли представляется возможным.

– Нет-нет, что вы? Официально бриллиант находится именно у графини, тут вы совершенно правы! Но это офи-циально, по документам. На самом же деле он находится у другого человека.

– И у кого же? – Антону было интересно.

– У нашего общего приятеля. У Хавинского.

– У кого? – Коврову показалось, что он не так услышал.

– Не удивляйтесь. Именно у Марчина Хавинского, кото-рый сейчас сидит в кабинете у Петра Петровича. Это, конечно же, только слухи, но у меня есть все основания полагать, что Стелла у него.

Антон никак не ожидал, что разговор о знаменитом на всю Европу драгоценном камне приведет к человеку, кото-рый только что так бесцеремонно ворвался в дом Островско-го и требовал денег.

Неужели правда? Или Андрей Александрович интересни-чает? Да нет, непохоже.

– Расскажите, умоляю вас, – попросил Антон, которого вся эта история не просто впечатлила, а буквально повергла

В ШОК.

— Ну что же, расскажу. Но учтите, милейший Антон Семенович, этого вы не услышите больше нигде.

— Конечно-конечно! — Ковров старался выглядеть спокойным, но на самом деле просто сгорал от любопытства.

— Эта история покрыта мраком. Как говорится, тьма египетская и стон крошечный. Факты здесь причудливейшим образом переплетаются с вымыслом, и разобрать, где первое, а где второе, довольно трудно. Камень Стелла находился в личной коллекции Аделаиды Покровской, в специальном помещении, пробраться в которое без ведома хозяйки практически невозможно. Это что-то вроде подземного сейфа с современным кодовым замком и системой сигнализации. Там много всяких дорогих экспонатов, самым ценным из которых, как вы сами понимаете, является этот бледно-голубой бриллиант.

Каким-то образом злоумышленники все-таки проникли в эту тайную комнату и похитили камень, заменив подделкой. Должен заметить, весьма посредственной, потому что подмена обнаружилась очень скоро. Но княгиня, как особа редкостного благоразумия и строгих правил, не стала бить тревогу, а предпочла решить этот вопрос без лишней огласки. Она не стала привлекать местную власть, ибо не желала ненужной огласки, и поиск Стеллы поручила одному из лучших сыщиков, некоему Дюпену (прямо как у Эдгара По, помните?). Дюпен, надо отдать ему должное, сыщик весь-

ма толковый. Он провел собственное расследование и очень скоро вышел на след нашего общего знакомца, Марчина Хавинского.

Но тут приключилась одна забавная история. Как только стало известно о причастности шантажиста к ограблению, он сам дал о себе знать. Недавно графиня была с визитом в России, и тогда он нанял какого-то мальчишку, чтобы тот передал ей послание. Мальчишка этот подстерег ее возле здания Министерства Образования, которое княгиня посетила для решения вопроса касательно открытия интерната для маленьких детей, брошенных на произвол судьбы. Графиня, как известно, именитая благотворительница.

Когда она садилась в карету, нанятый Хавинским посыльный подбежал к ней, сунул в руки записку и тут же, как говорят, дал дёру, смешавшись с толпой. Этого малолетнего негодника впоследствии так и не нашли. Записка предназначалась лично для госпожи Покровской. Там было сказано, что, если она хочет получить свою реликвию обратно, ей придется раскошелиться на один миллион рублей, в противном случае бриллиант будет для нее навсегда потерян. А учитывая его истинную стоимость, плюс память о покойном супруге, графиня справедливо решила камень вернуть. В письме также было указано время и место, куда следует доставить деньги.

Кравцов замолчал. Выдержав паузу, продолжил:

– На кладбище, в полночь. Довольно поэтично, не прав-

да ли? Сама графиня, разумеется, в столь опасную экспедицию не отправилась, а послала надежного посыльного вместе с деньгами. Но не для того, чтобы заплатить вымогателю, а взять его, так сказать, на горячем. И вот тут начинается самое интересное.

Андрей Александрович затушил сигару, поднялся и стал прохаживаться взад-вперед по беседке.

– Как вы сами понимаете, Антон Семенович, здесь уже пришлось поставить в известность российскую Охранку. Разумеется, вся операция проходила в режиме особой секретности. Лишние слухи об исчезновении такой ценной вещи никому не были нужны. Ну так вот, сотрудники Охранки окружили место будущей сделки, и вскоре посыльный княгини с чемоданом, набитым банковскими ассигнациями, пришел к назначенной могиле. С ним пришел и ювелир, чтобы удостовериться в подлинности камня. Была безлунная ночь, накрапывал дождь. В общем, атмосфера та еще – готический романа, да и только. Но какого же было удивление всех присутствующих, когда на место пришел не какой-нибудь посредник, а лично Марчин Хавинский.

Он был один, как на ладони. На нем был черный непромокаемый плащ и шляпа. Встреча прошла очень быстро. Хавинский взял деньги и потом, без лишних слов, отошел к соседней могиле, порылся где-то под мраморной плитой, достал оттуда камень и передал посыльному. Ювелиру, правда, пришлось немного повозиться со своей лупой, но в конце

концов он выдал однозначный вердикт – камень подлинный.

О, он был поистине потрясающий! Я лично держал его в руках, и у меня было ощущение, что я держу в руках целую историю. Представляете, им владели величайшие люди в мировой истории. Ощущения, скажу я вам, непередаваемые!

И тут Антон Ковров наконец-то решился задать вопрос, который мучил его на протяжении всего рассказа:

– Скажите, Андрей Александрович, откуда такие подробности? Вы рассказываете обо всём этом не как посторонний, а как непосредственный участник этих событий. Да еще и Стеллу держали в руках. Когда это?

Кравцов улыбнулся и присел рядом с Антоном.

– Вы правы, рассказываю сие, так сказать, из первых рук. Потому что этим посыльным был я.

Студент даже присвистнул от удивления, что в высшем обществе было бы, по меньшей мере, невежливо. Но это сейчас его не особо заботило. Человек, сидевший сейчас рядом с ним, держал в руках легендарный алмаз. Ничего себе поворот!

– Рассказываю дальше. Когда Хавинский передал мне камень (так уж и быть, с третьего лица перейду на первое), взял деньги и собрался уходить, как из укрытий выбежали полицейские и схватили вымогателя. Странно, но он не был похож на человека, которого застигли врасплох. Выражение его лица по-прежнему оставалось спокойным и безучастным. Не поверите, но это спокойствие так меня испугало, что просто

сердце в пятки ушло. Было в этом человеке что-то дьявольское, что-то такое, чего нельзя описать словами. Не стыжусь признаться, я тогда испугался. Какое самообладание, какая выдержка!

– И что было потом? Ему предъявили обвинения?

– Вы не поверите: он смотрел на окруживших его полицейских и улыбался!словно это сверхчеловек, которому дана безграничная власть и который может повелевать судьбами. Вы, верно, думаете, что я спятил, но это так и было. Антон Семенович, это страшный человек, вы даже не представляете насколько.

Кравцову действительно было жутко, и это было заметно по выражению его лица. То событие, по всей видимости, крепко врезалось ему в память и оставило неприятные воспоминания.

Он расстегнул верхнюю пуговицу на своей белоснежной сорочке и потер обнажившуюся шею.

– Когда его окружили, Марчин, как ни в чем не бывало, обратился к полицейским и сказал, что просто вышел погулять и ничего не знает. Когда ему показали алмаз, он взглянул на него с удивлением и заверил, что никогда раньше его не видел. Смешно, конечно, потому что вокруг было множество свидетелей, и все видели, как он доставал и передавал бриллиант. Стеллу конфисковали, а мы, вместе с арестованным Хавинским, поехали напрямик в Охранное отделение. Но когда мы благополучно добрались до места и собрались

официально оформить изъятие, вдруг выяснилось, что Стелла пропала!

– То есть как пропала? – Не понял Антон.

– А вот так! Испарилась! Канула в Лету!

Студент был искренне ошеломлён.

– Ничего не понимаю.

– И я не понимаю. Никто не понимает. Бриллиант я отдал в лично в руки статскому советнику Ивану Леопольдовичу Кудасову, руководившего этой операцией, а тот отдал его кому-то из своих людей, не знаю кому. Иван Леопольдович был в бешенстве, разразился жуткий скандал. Без главного вещественного доказательства вся эта операция не стояла и выеденного яйца. А деньги? Да что деньги – подошел человек и отдал сумку. Разве это преступление? По словам самого Хавинского, так и было, и ни о каком выкупе речь не шла. Его долго держали в предварилровке, все допытывались, куда делся бриллиант. Но тот крепко стоял на своем и уверял, что оказался на кладбище совершенно случайно. Потом пытались его осудить, но это ничего не дало. В общем, очень скоро эта сволочь оказалась на свободе.

– Что, его прямо так и выпустили? – Не поверил своим ушам Антон. – Да ведь налицо явное вымогательство!

– А кто докажет? Вы поймите, отсутствует главная улика, без которой официально предъявить человеку обвинение невозможно. И потом, вы же помните, что у этого субъекта серьезные покровители. Кто-то из вышестоящих походатай-

ствовал и выписал ему полную амнистию.

– Я не понимаю, почему о нем так пекутся. И кто?

– Думаю, Хавинский поставщик.

– Поставщик чего?

– Информации. Это редкостный мерзавец, и у него уйма компромата, в том числе и на вышестоящих особ. Если царской полиции нужно добыть какие-то сведения, то здесь равных ему нет. Он владеет такими архивами, что нам с вами и не снилось. Думаю, оказывает агентуре специфические услуги, за что может рассчитывать на их помощь. И если его так оберегают, значит, этот человек им еще нужен. Я сказал еще, потому что рано или поздно от таких избавляются.

Антон призадумался.

— Да, агентурные сети полиции воистину обширны. Хотелось бы знать, какого рода услуги оказывает им этот таинственный господин.

– Вряд ли с вами кто-то поделится, – усмехнулся Кравцов. – Хотя разузнать, конечно, можно. По нелегальным каналам, разумеется.

Студент мельком бросил взгляд на графа и увидел, что тот сидит в полной задумчивости, уставившись в одну точку. Он готов был побиться об заклад, что Евгений Павлович не слышал ни единого слова из того, о чем говорили в беседе.

Странно, что это с ним? Алкоголь в голову ударил?

Антон легонько тронул застывшего в неподвижности Чернокуцкого, будто проверяя, жив ли он вообще. Тот зашеве-

лился. Хотел открыть рот что-то сказать, но передумал. Мутными глазами посмотрел сначала на одного, потом на другого, затем стал шарить рукой под скамейкой.

– Что за черт, где бутылка? Ты взял, проклятая бестия?

К кому именно обращается граф, было непонятно. Но Кравцов, видимо, подумал, что к нему.

– Вы же сами ее в гостиной оставили, возле дивана. Забыли?

– В самом деле? По-моему, брал с собой. Странно.

С этими словами Чернокуцкий поднялся и на плохо гнущихся ногах отправился к дому. Два раза чуть не споткнулся, но равновесие все-таки удержал. Спустя минуту скрылся за дверью дома.

Постояли немного, покурили в тишине. Первым молчание нарушил Андрей Александрович.

– Совсем плох стал наш друг.

– Он что, всегда столько пьет?

– Почти всегда. Эх, видели бы вы его раньше, лет эдак пятнадцать или даже десять назад. Стройный, подтянутый красавец в офицерском мундире – любо-дорого посмотреть. Бравый командир полка, принимал участие в осаде Плевны и даже был ранен. Несколько медалей имеет и «Анну» с мечами, так-то. Настоящий герой своего отечества. Но как представился батюшка его, Павел Васильевич, который, надо заметить, был кавалергардом еще в Крымскую войну, так совсем от рук отбил. Наследство получил огромное, да и по-

местье в придачу. Сколько точно, сказать не могу, но где-то около миллиона. С этого и началось.

– Что началось? – Осведомился Антон, хотя понимал, к чему клонит поверенный.

– По роду своей деятельности, мой дорогой друг, я сталкиваюсь с людьми, имеющими капитал. И заметил весьма любопытную закономерность. Человек, выбившийся в люди и заработавший свое состояние собственным трудом, относится к нему разумно и в высшей степени бережно. Он не станет тратить направо и налево, а подойдет к делу обстоятельно, с умом. Выгодное дело организует, а остальное вложит, например, в акции пароходной компании, доходный дом или даже в английские ценные бумаги. Таким образом, имеет прибыль до конца дней своих. К финансам относится аккуратно, лишнего не потратит. Если сам распоряжаться не умеет или не хочет, тогда на помощь прихожу я. Без ложной скромности скажу, что мои советы помогли многим, ибо большой опыт имею. Даже людям сведущим в этом шепетильном вопросе без хорошего поверенного не обойтись, поверьте моему слову.

К чему я клоню? Да к тому, что те, кто сами заработали, знают цену деньгам. Но совсем другое дело, если получаешь жирное наследство, не приложив к этому никаких усилий. Да и какие усилия, спрашивается, нужны, ежели в правильной семье родился?

Это люди совсем другого сорта. Получив заветный куш,

начинают жить на широкую ногу или, говоря по-простому, кутить. Часто им даже в голову не приходит, что любые деньги, даже большие, имеют свойство заканчиваться. Здесь взят за основу один крайне вредный принцип: «Жизнь одна, успеи взять с нее сполна». Вот и начинают так жить, приближая день полного банкротства. В результате нищая старость и полное забвение. Не понимают, глупые, цену деньгам. Бывают, конечно, исключения, но наш уважаемый Евгений Павлович не из их числа. Получив состояние, начал к девкам гулящим ходить, в карты играть пуще прежнего, вертепы в поместье именном устраивать и много чего другого. Ну и пить, конечно. Трудно представить, но раньше к пороку этому пристрастен не был. Мог на Пасху или в день тезоименитства Его величества коньяку пригубить. А теперь? Где бутылка, проклятая bestия?

Он передразнил графа, пытаясь скопировать его голос и интонацию. Получилось так себе.

– Почему же вы не помогли бедняге советом? – Удивился юноша. – У вас большой опыт в таких делах.

Кравцов в возбуждении развел руками.

– Я? Помилуйте, мой юный друг. Пытался, всеми силами пытался! Сколько раз предлагал вложить деньги в выгодное предприятие, даже варианты озвучивал. Да что толку? Это вы, говорит, Андрей Александрович, канцелярская душа, с цифрами да бумажками дружите, а я дружу с настоящей жизнью. С той, где шампанское рекой и компания заводная. Ка-

ково? Еще и дефиницией моей души озаботился. Вообразите, у него тот, кто хоть немного о будущем думает, канцелярист. И смех, и грех, право слово. Иногда диву даешься, как можно жить сегодняшним днем и даже пальцем не пошевелить, дабы позаботиться о дне завтрашнем? Видимо, для меня это навсегда останется загадкой. Станный, очень странный человек.

«Станный человек» тем временем вышел из дому и зашагал по мозаичной дорожке к беседке. В руках сжимал заветную бутылку. Когда подошел ближе, Ковров разглядел на его лице улыбку.

– Нашел чертовку. Что это вы, mon sher, порядочного человека в заблуждение вводите? Сказали, бутылка возле дивана. Я подхожу и нате – нет ее. Куда, думаю, запропастилась? Под кресло заглянул, в шифоньер, под стол – ничего. Неужто, думаю, Андрей Александрович стибрил? А другую взять неоткуда, буфет-то заперт. Ключ у Уильяма, а в гостиной, как назло, ни души. Хотел уже позвать, чтобы открыл, но увидел родимую. И знаете где? Возле окна. Как она там очутилась, хотел бы я знать?

Кравцов закатил глаза к небу, как бы говоря: «Господи, помилуй».

– Вы же ходили по всей гостиной туда-сюда, к окну тоже подходили. Там, видно, и оставили.

Граф задумался.

– Да? Гм, в самом деле. А почему тогда вы сказали, что

она возле дивана?

– Потому что в последний раз я видел ее именно там.

– Тем не менее, я обнаружил ее возле окна.

Андрей Александрович начинал злиться.

– Хватит нести чепуху. Я что, должен следить за вашей бутылкой? Уже до того допились, что ничего не помните. «Уильям, где плащ»? «Андрей, где выпивка»? Еще и меня обвинили, будто я взял. Знаете ли, просто мечтаю украсть у графа Чернокуцкого его коньяк и присвоить себе. Делать мне, понимаешь, больше нечего. Уж кого-кого, а обвинять меня в краже – это верх непристойности. Я человек порядочный и это вам всякий скажет.

Евгений Павлович присосался к бутылке, но, услышав последние слова, прыснул со смеху. Напиток, который он не успел проглотить, выплюнул прямо на брюки своего собеседника. И принялся хохотать, чуть не поперхнувшись.

– Какого лешего?! – Закричал поверенный, спешно вытирая ладонью только что образовавшееся пятно. – Совсем ума лишились? Вы зачем это сделали?

– Ахаха, великодушно прошу извинить. Но не судите строго – не смог сдержать смех. Порядочный человек, ой, не могу! Расскажите еще, как вы людям деньги помогаете приумножать и как переживаете за них, будто за свои собственные. Антон, он вам об этом говорил? Ручаюсь, что говорил. Переживает, очень переживает. Так же, как за средства управляющего по земельным делам Скукина, который

десять тысяч не досчитался. К мировому судье ходил, бумажками тряс, вот только не доказал ничего. Наш Андрей Александрович свое дело на отлично знает – не подкопаешься. По бухгалтерским книгам все чисто, копейка к копейке. Но **деню**жки куда-то того – тю-тю. На что спустили, признавайтесь? На мамзелек? Понимаю, понимаю. Сам, знаете ли, не ангел, и к порокам других отношусь с большим пониманием.

Лицо Кравцова покраснело от злобы, губы сжались, а на лбу проступила вена.

– Что? Да как вы смеете, мерзавец?! При постороннем человеке на меня наговаривать? Да любой скажет вам, что это чистой воды поклеп. Деньги мы вместе искали, когда обнаружилась пропажа, все ведомости пересмотрели. А что не нашли, так это не моя вина. В жизни я не взял чужого рубля, а вы смеете меня так бесцеремонно обвинять, да еще на людях. Антон, не слушайте его, он не соображает, что городит. А вам, граф, вот что скажу: катитесь к черту. Вы неблагодарная свинья, и отныне знать вас не желаю.

Плюнув под ноги, Андрей Александрович развернулся и ушел в дом. Оба смотрели ему вслед. Студент печально, граф весело.

– Вы поступили некрасиво, Евгений Павлович. Зачем обидели человека?

– Уж его обидишь, – Чернокуцкий, несмотря на проявленную бестактность, пребывал в прекрасном расположении

духа. – Строит из себя святошу, а ковырни – говно полезет. Так-то он парень неплохой, однако же выгоды своей не упустит. Вот и меня все агитировал: вложи деньги, вложи деньги. Нет, говорю, вам под поручительство отдать, все равно что выбросить. Лучше уж поживу на них как следует, мирскими радостями наполнюсь. Сколько, не знаю, это уж как Богу угодно. Хотя есть этот Бог или нет, никто определенно не знает. Вы вот видели его? Я нет.

Слушать браваду пьяного кутилы не хотелось, но и демонстративно уйти, как это сделал обиженный Кравцов, было бы неприличным. Пришлось остаться докуривать сигару.

– История с этим Скукиным в высшей степени интересна, – продолжал граф, который, по всей видимости, понятия не имел, что такое чувство такта. – Вы, верно, не знаете? О, да там целый детектив. Значит, так дело было...

– Пожалуй, не стоит, – перебил его невольный слушатель. – Скажите лучше, почему вы себя так некрасиво ведете?

Тот картинно развел руками.

– Понял, понял. Раз неинтересно, Скукина трогать не будем. А почему себя так веду, охотно отвечу. Мое поведение вызвано исключительно любовью к правде и только к ней. Верите ли, тяжело мне. Как на духу перед вами, право слово. Смотришь на эти физиономии лощенные, на вежливость показушную, на манеры великосветские, и до того тошно становится, хоть вешайся. «Простите сударь», «Извините, су-

дарь», «Какая чудесная погода, не правда ли». Тьфу. Строят из себя невесть что, из кожи лезут, лишь бы показаться в наилучшем свете. А сами-то говно люди, можете мне поверить. Я человек простой и правил этих глупых не признаю. Ежели о человеке дурно думаю, так ему в лоб и скажу. Ну а уж если обниму кого и расцелую, то знайте – это искренне. Вот вас, Антон Вячеславович, готов хоть сейчас обнять, потому как человек вы хороший.

– Я Семенович, – поправил его студент и поморщился. Не от того, что граф в отчестве его ошибся, а что и вправду обниматься полезет.

Действительно, полез. Да так стремительно схватил его в объятия, что Антон не успел среагировать. Тихо хрустнул позвоночник, в лицо пахнуло спиртным. Хорошо хоть целоваться не стал. И на том, как говорится, спасибо.

– Вы, верно, недоумеваете, как такого грубияна и невежду терпят в подобном обществе? Легко отвечу. Потому, что только я и могу правду сказать. Послушайте, как разговаривает этот Илья Ильич, аристократ хренов. Так все у него обтекаемо и до того основательно и тяжеловесно, что пока до сути дойдет, не вытерпишь. К чему это словоблудие, спрашиваю я вас?

И так у многих из них. Публика эта сплошь гнилая и мерзкая, думают, ежели манерами прикроются, так нутро их видно не будет. Ошибаются, бестии, ох как ошибаются. Видно, да еще как. Думаете, почему я пью? Да потому что трезвым

взглядом на эти рожи смотреть тошно. А когда выпьешь, легче становится. И не так противно. Разве что Петр Петрович человек, его я уважаю. А остальные так – дрянь людишки.

Антон хотел возразить, что искренность и бестактность – совершенно разные вещи, но не успел. Раздался крик, и оба обернулись. К ним со всех ног бежал Андрей Кравцов, странно жестикулируя руками и приговаривая: «Сюда! Сюда!».

– Что случилось? – Не на шутку забеспокоился студент, видя мертвецки бледное лицо поверенного. Хотя еще совсем недавно оно было красным от злобы.

– Все сюда, в дом. Беда!

Глава 5

Через минуту они уже были там. Вначале никто ничего не мог понять, слушая сбивчивые рассказы то Петра Петровича, который стоял весь бледный и, что называется, был ни жив ни мертв, то Андрея Александровича. Но вскоре все прояснилось.

Островский рассказал, что они пошли с Хавинским в кабинет. Там они поговорили, при чем последний постоянно угрожал хозяину и непрестанно требовал с него выплаты долга. Оба нервничали, горячились, но вскоре стало понятно, что проблему надо как-то решать. Поляк был упрям и даже слушать не желал о каких бы то ни было уступках. Тем не менее, Петру Петровичу каким-то образом удалось пошатнуть непреступный бастион Хавинской принципиальности, и они сошлись на половине суммы. Денег в кабинете не было, поскольку там Островский их никогда не держал, а потому попросил подождать его, пока поднимется наверх и принесет полагающуюся сумму. Тот согласился.

Но Петр Петрович сначала пошел не к себе в комнату, где у него стоял швейцарский сейф, а к дочери, справиться о ее здоровье. Он застал ее у себя в комнате, лежащей на кровати. На расспросы отца Марго ответила, что ей уже лучше. По ее словам, у нее просто сдали нервы, но сейчас беспоко-

иться абсолютно не о чем. Ремизова в комнате не оказалось, поскольку она его прогнала. Подумав о том, что следует еще раз серьезно переговорить с дочерью по поводу Ильи Ильича, Островский направился к себе в комнату, которая находилась в другом крыле. Открыл сейф, отсчитал кредитные билеты и спустился обратно в кабинет.

Хавинский по-прежнему находился там, но он был уже мертв. Кто-то заколол его ножом в сердце и выколол глаза.

Все были в шоке. Только что, за завтраком, они были свидетелями неслыханной наглости подлого шантажиста, а теперь он убит. Разве так бывает?

Сначала подумали, что это глупый розыгрыш, затеянный Петром Петровичем ради непонятно какой цели. Но говорил он так убедительно, а голос его так сбивался и губы так дрожали, что вскоре стало понятно – не розыгрыш. Решили пойти посмотреть. Неужели правда?

Пройдя до конца гостиной, они тут же уперлись в дверь кабинета хозяина дома. Она было чуть приоткрыта, и сквозь щель пробивался яркий солнечный свет. Толкнув ее, они увидели страшную картину.

Большой полированный стол из красного дерева стоял как раз напротив двери, позади открытого окна. На нем громоздились письменные принадлежности, какие-то бумаги, чернильница, и еще алые перчатки, которые Антон видел давеча на руках незваного гостя. Стул для посетителя находился прямо возле стола, спинкой повернутый к входной двери.

Но он не стоял на своем обычном месте, а был перевернут набок, будто кто-то сделал это специально.

Хавинский полусидел-полулежал в кресле Островского лицом к двери. Руки его свисали до самого пола, а на левой стороне груди виднелась багровая рана. Даже невооруженным взглядом было видно, что его зарезали. Белая сорочка была запачкана кровью. Покойник глядел на только что вошедших людей с приоткрытым в предсмертной агонии ртом. Однако вместо глаз зияли две темно-красные впадины. Зрелище было неприятное и очень страшное.

– Вот дьявол, – выругался Чернокуцкий и перекрестился, что выглядело довольно странно.

Андрей Александрович, взяв себя в руки и преодолев отвращение, подошел к мертвецу и мельком осмотрел его. Нагнулся, подобрал что-то, и все увидели нож с длинным окровавленным лезвием.

– Это не ваш, Петр Петрович? – Спросил он.

– Нет, впервые вижу, – последовал ответ. И тут же добавил, будто опомнившись. – Да бросьте вы его, это же улика!

Кравцов отбросил от себя оружие убийства, будто оно вдруг стало нестерпимо горячим. Нож со звоном упал на пол.

Антон огляделся и, не увидев Марго, поинтересовался, где она.

– У себя, – ответил хозяин дома. – Я отправил ее в комнату. Не хочу травмировать девочку.

Ковров поступил бы точно так же, поэтому согласно кив-

нул.

– Мне кто-нибудь объяснит, что здесь произошло? – Развел руками Илья Ильич, стоявший прямо у дверного проема.

– Здесь произошло убийство. – Хладнокровно ответил студент, даже не взглянув на него.

– Я и без вас понимаю, что убийство, молодой человек. – Съязвил Ремизов, глядя неприязненно на студента поверх плеча графа. – Умничать будете в другом месте.

Лицо Антона оставалось спокойным, так что со стороны могло показаться, что он не обратил внимание на издевку. Однако внутри у него все похолодело. Он перевел взгляд с распростертого трупa на Ремизова, подошел к нему вплотную и угрожающе посмотрел в глаза. Оказалось, он был на целую голову выше, хоть и значительно худее.

– Если вы скажете еще хоть полслова, я за себя не ручаюсь, понятно?! Дерзить намерены? Я вас живо в стойло отправлю. Там вам самое место.

Ремизов попятился назад, не в силах вымолвить ни слова. Очевидно, никто и никогда не позволял себе разговаривать с ним в таком тоне. Глаза опустились, голова вжалась в плечи.

– Ахаха! – Расхохотался граф. – Вот это парень, сабля мне в ножны! Хахаха! Насыпал борову перцу!

И громко зааплодировал, будто находился в театре и только что посмотрел превосходную оперетту. Остальные же повернулись и недоуменно уставились на Антона, который не помнил себя от ярости.

– Как вы смеете? – Прошипел Илья Ильич, еще не придя в себя от шока. – Ты, щенок. Да я тебя...

И схватил студента своими большими, влажными руками за горло. Лицо его было красным от ярости и нахлынувшего безумия. Железной хваткой он вцепился в оскорбившего его студента, и ослаблять ее не собирался. В его глазах читалось сумасшедшее желание душить заносчивого молодчика, и сделать это он намеревался немедленно.

Мужчины хотели было подбежать и разнять дерущихся, но этого не потребовалось. Антон с силой ударил нижними частями ладоней по ушам душившего его Ремизова, да так сильно, что тот отпустил шею студента и с диким криком схватился за ушные раковины. Оказавшись свободным, он, не дав опомниться своему противнику, нанес ему два удара кулаком; сначала под дыхало, от которого Илья Ильич буквально согнулся пополам, а затем в челюсть. После второго удара Ремизов отлетел в сторону и грохнулся всем массивным телом на пол.

Но этого разъяренному студенту показалось мало. Одним прыжком он оказался возле распростертого на полу поверженного противника, схватил того за ворот пиджака одной рукой, а второй ударил в лицо. Один раз, второй, третий.

Петр Петрович и Андрей Александрович уже были рядом и схватили обезумевшего за руки, оттащив от Ремизова. Но тот уже пришел в себя и не сопротивлялся. Тогда они оставили его и стали поднимать Илью Ильича, у которого ока-

зался разбитым нос и красовался огромный кровоподтек под глазом.

Граф, все еще улыбаясь, подошел к Антону и протянул ему руку.

– Молодец, оторвыш, молодец, обиды не спускает. По-нашему это, по-гусарски. Эх, вас бы в полк к нам, цены бы вам не было. Разрешите пожать вашу руку.

Ковров пожал, но чисто механически, так как думал в этот момент совсем о другом.

– Что вы себе позволяете, Антон Семенович?! – Рассвирепел Островский, усаживая избитого компаньона в кресло. – Да вы сумасшедший, как я погляжу! Вон из моего дома, сию же минуту! Да перестань ты ржать как дикая лошадь, Евгений!

Последняя фраза относилась уже к Чернокуцкому, который и вправду держался за живот от раздражающего хохота.

– А я всегда говорил, что снобизм вашего дружка, уважаемый Петр Петрович, до добра не доведет. Так что получил по заслугам. А парень-то молодец, ха-ха. Уважаю!!!

Петр Петрович хотел что-то ответить, и, судя по выражению его лица, что-то дерзкое, но не успел, потому что в гостиную вошел Уильям. Вид у него был спокойный и безучастный, как будто ничего не произошло. Антон тогда еще подумал, есть ли на свете что-то, что может вывести из равновесия этого человека?

– Я только что протелефонировал в полицию, скоро здесь

будет следственная группа. Обещали приехать через десять-пятнадцать минут, сказали ничего не трогать. Я слышал крики, Петр Петрович. Помощь нужна?

– Спасибо, Уильям, единственное, чем вы можете помочь – это оказать любезность нашему гостю Илье Ильичу и принести йод и ту специальную мазь, которую я привез давеча из Парижа, помните? Ну ту, в бутылочке с оранжевой этикеткой, очень помогает от...

Но Островский так и не договорил, от чего помогает чудодейственная парижская мазь, потому что в это мгновение дверь с грохотом распахнулась, и на пороге, как гром среди ясного неба, появился Явуз. В дверях он стоял лишь одну секунду, которой хватило, чтобы разглядеть всех, кто находился в гостиной. В следующую он уже шел к столу, где на стульях сидел хозяин дома и Андрей Александрович. Антон и граф стояли чуть поодаль, Ремизов же распластался в кресле.

Турок шел тяжелой поступью, ботинки его скрипели кожей при каждом шаге. Дворецкий попытался его остановить, положив тяжелую руку ему на плечо, но тот дернулся, казалось, совсем легко, и Уильям отлетел назад, прямо к двери. Правда, не упал, схватился рукой за маленький столик, на котором стояла хрустальная ваза.

Подойдя прямо к Островскому, который успел встать, он посмотрел ему прямо в глаза и страшным хриплым голосом, который Антон уже слышал вчера вечером, спросил:

– Хова где? Говори, собака.

Так, видно, он называл своего хозяина.

– Я не знаю, о ком вы говорите, сударь. Извольте немедленно покинуть этот дом! – Ответил Петр Петрович, пытаюсь придать своему голосу нарочитую строгость, хотя заметно было, что ему немного страшно. В свете последних событий это было неудивительно.

– Где он? – Повторил страшный турок, поправив болтавшуюся на его поясе саблю в ножнах, видно, для острстки.

Отозвался граф.

– В кабинете, мой дорогой Явуз, в кабинете. Вон там, – он указал на дверь в углу. – Можете полюбоваться.

Островский шикнул на него, разозлившись, что Чернокуцкий влез в разговор, но было поздно. Бесцеремонно отстранив промышленника, турок направился прямо в кабинет. Подошел, оглянулся еще раз на собравшихся, затем взялся за ручку двери. Открыл, вошел.

– Что ты наделал, дурак, что ты наделал! – В отчаянии закричал Островский и тут же, со всех ног, побежал в кабинет. Остальные, чувствуя нависшую угрозу, кинулись за ним. Даже Ремизов сорвался с места, держась за перебитый нос.

– Иншаллах!!! – Послышалось страшное восклицание турка, и он тотчас же выскочил из кабинета. Его бесцветные глаза налились кровью, зубы оскателились, как у хищного зверя, руки дрожали. Шрам на его щеке, казалось, загорелся темно-красным огнем.

Ковров, Островский, Чернокуцкий, Ремизов и Уильям встали как вкопанные, не в силах сделать больше ни шагу. Если бы глаза страшного турка могли извергать гром и молнии, все пятеро были бы уже повержены.

— Кто?!!! — Закричал Явуз. — Кто это сделал! Говорите, кто это сделал?!!

Гневные восклицания страшного альбиноса были мало похожими на крик. Скорее это был истерический вопль, причем какой-то нечеловеческий, животный. Так мог кричать только смертельно раненый зверь, чувствующий скорую смерть и в реве своем выплескивающий ту недюжинную энергию, которую можно назвать жизнью. Впоследствии Ковров долго вспоминал этот крик и это страшное, безумное выражение его лица. И как бы он ни хотел, как бы ни старался, долго не мог он потом забыть это поистине ужасающее зрелище.

Все молчали и смотрели на Явуза странным, потерянным взглядом. Видно было, что им действительно страшно. Страшно было и самому Антону, но он боялся себе в этом признаться.

— Ааааа!!!! — Завопил обезумевший альбинос и выхватил саблю из ножен. — Я убью вас всех! Подлые шакалы!

Островский, Уильям и Антон в страхе стали пятиться назад, граф же (было заметно, что испугался он менее всех), предупредительно ретировался обратно к столу и там остался. Только Илья Ильич остался стоять на своем месте, впад,

что называется, в ступор.

В турка воистину вселился дьявол. С безумным воплем он бросился на стоявших в нескольких шагах от него людей, размахивая саблей. Она легко скользила в его умелой руке, а острый, как бритва, клинок со свистом рассекал воздух.

Все в ужасе содрогнулись. В гостиную царил дух смерти. Казалось, ее можно было даже пощупать.

Первые два взмаха клинка рассекли воздух, а в третий раз безумец замахнулся на стоявшего в оцепенении Ремизова. Антон увидел, как клинок навис прямо над его головой. Грузное, медлительное тело даже не сумело сообразить, что его грозит страшная опасность, и что через одно мгновение этот человек будет разрублен надвое.

Все, подумал Антон Ковров, это конец.

Но в последний момент, когда казалось, смертоубийства не избежать, сработал рефлекс, который в таких случаях идет впереди разума и спасает жизнь. Ремизов поднял обе руки над головой, и, прежде чем турецкая сабля обрушилась на него, подался чуть вперед, сбивая безумного с ног.

Тот, конечно, не упал, но самую малость пошатнулся. Этого с лихвой хватило, чтобы изменилась траектория удара. Он пришелся неточно, по касательной, и клинок лишь слегка оцарапал кисть и перерезал сухожилие.

Илье Ильичу повезло. Следующим взмахом своего янычарского оружия сошедший с ума альбинос мог разрубить его с такой же легкостью, как клиновый лист, но он этого

не сделал. Вместо этого оттолкнул раненого и кинулся на остальных.

Первый взмах сабли, и бардовая портьера, за которой менее получаса назад прятался Антон, была разрезана надвое, с середины до самого низу. Второй взмах – голова мифической птицы-грифона, день и ночь охраняющей лестницу, рассыпалась на мелкие кусочки. После третьего взмаха разбилась хрустальная китайская ваза. Турок, обезумев еще больше, с криком кинулся к столу, возле которого стояли гости и сам хозяин.

Но те уже пришли в себя и поняли, что прятаться по углам от смертоносных ударов бесполезно. Не сговариваясь, разом кинулись на сумасшедшего. Обступили со всех сторон, и, не давая опомниться, вцепились в руки и повисли на плечах. Правую руку, в которой была сабля, Антон и Чернокуцкий прижали к телу турка и не давали ее поднять.

Городские легенды не вдали – сила у восточного человека была поистине самсоновская. Несмотря на то, что держали его четверо, Явузу удалось освободиться и раскидать всех в разные стороны. Но граф, даром что был изрядно пьян, с поразительным проворством вскочил на ноги и железной хваткой вцепился турку в горло, одной рукой схватившись за рукоятку сабли. Через секунду подоспел Антон и сжал талию безумца.

Но повалить этого человека казалось попросту невозможным. С яростным криком он все-таки выпустил из рук свою

саблю, положил обе ладони на лицо Чернокуцкого и с силой, на какую был только способен, оттолкнул его. Граф кубарем полетел к столу, ударившись головой об угол. Звякнула посуда, одна чашка упала на пол и разбилась. Сабля, тем не менее, осталась в руках у Евгения Павловича, который не выпустил ее даже во время падения. Теперь противник остался без оружия, но это только больше его разозлило.

Избавиться от хватки Антона, хоть и довольно крепкой, ему не составило труда. Развернувшись несколько раз вокруг своей оси, он на ходу отбросил студента в сторону. Удержаться тот не смог и разжал руки. Был отброшен в сторону, но на ногах все-таки устоял.

Петр Петрович тоже не остался безучастным. Подбежал к турку и с размаху ударил его кулаком по лицу, хоть это и было непросто, ибо Явуз был на целую голову выше. Потом ударил еще раз, но альбинос будто был сделан из мрамора. После двух ударов он даже не сошел с места. Зато от ответного удара промышленник с грохотом рухнул на пол. В английском боксе это называлось нокдауном.

В эту минуту Антон подумал о Марго. Хорошо, что ее здесь нет. Этот зверь не посмотрел бы на то, что она женщина – расправился бы без раздумий. Ковров только на одну секунду вообразил, как это чудовище рубит бедную запуганную девушку, которая кричит от страха и боли. Но это только возбуждает ненасытное маниакальное желание этого чудовища убивать, и он все рубит и рубит. Острие вонзается в

ее хрупкое тело, она кричит, но в ответ слышит лишь сухой хруст дробленных костей. Ее костей!

Кровь, везде кровь. Все в крови. Вот ее белоснежная ручка в черном сарафане отделяется от тела по самое плечо и падает на пол. Потом вторая рука. Она кричит, кричит от невыносимой боли, но турок с безумной улыбкой на лице продолжает свою дьявольскую работу. Высоко занеся саблю у Марго над головой, он с силой опускает ее на беззащитную девушку, у которой вместо рук два кровавых обрубка. Острое оружие разрезает ее напополам, и она, замолкая навеки, падает.

Падает, но падает не один раз, а целых два. Сначала падает левая ее часть, в которую входит голова и часть тела по самую талию. Сразу же за ней другая – половина ее тела и ноги. Антон всматривается в то, что лежит на полу, но это не Марго. Это страшная куча красного мяса.

И вот страшный человек смотрит на разрубленное тело и видит только два цвета: красный и черный. Цвет ее платья и крови. Цвет траура и скорби. Видит только эти два цвета, но не видит саму Марго. Только кучу черного тряпья и кровавых лохмотьях, фрагменты тела и рваной одежды.

Видение было настолько реалистичным, что Антон передернулся. Он знал эту девушку только со вчерашнего вечера, но уже готов был ради нее на все, и даже не задумываясь отдал бы самое ценное, что у него было – жизнь. Даже сама мысль о том, что ей может угрожать опасность, вызывала в

нем дикий ужас.

Когда наваждение развеялось, он увидел, что с турком борются два человека – Островский и Уильям. Все происходило как во сне, – фигуры двигались медленно, движения были размыты. Вот Петр Петрович, у которого от напряжения вздулась вена на лбу, пытается повалить Явуза, а дворецкий ему помогает, держа того за ноги. Вот слышится сдавленный крик раненного Ильи Ильича, вроде бы доносящийся откуда-то далеко, но на самом деле совсем близко.

Непроизвольно взгляд Антона остановился на лестнице, и он увидел то, от чего душа, как пишут в романах, ушла в пятки. На втором этаже, на самом верху лестницы, стояла Марго и смотрела на творившееся внизу безумие. Рот ее был широко раскрыт то ли от удивления, то ли от страха. Была она, что называется, ни жива, ни мертва.

Господи, только не сейчас! Не подходи сюда, как бы кричит ей Антон, не подходи!

Но она его не слышит, взгляд ее блуждает по гостиной, останавливается то на дерущихся, то на творившемся внизу погроме. Если она спустится, тогда все. Конец.

В мгновение ока он взял себя в руки. Подбежал к турку, которого держали два человека и что было силы, разогнавшись, ударил его ногой в спину. Попал точно в позвоночник. Турок завыл от дикой боли и рухнул на колени. Следующий удар он тоже сделал ногой, но уже по затылку. Альбинос закричал еще раз, но все равно не упал. Дворецкий с Остров-

ским отскочили чуть в сторону, чтобы случайно не задело их. Антон, видя, что не попадет ни в кого другого, намеревался нанести еще один удар, но на этот раз кулаком. Метил в висок, но так и остался с занесенной рукой.

Сбоку стоял граф. Коротко размахнувшись, он ударил Явуза бутылкой по голове.

Раздался звон битого стекла. По бесцветным волосам силача-альбиноса потек светло-коричневый коньяк, смешиваясь с кровью. Поверженный повернул голову сначала вправо, потом влево, выискивая того, кто это сделал. Видно, он до конца так и не понял, что произошло, потому что взгляд его был какой-то рассеянный и даже немного удивленный.

Так он простоял на коленях несколько секунд, пока из зияющей в черепе раны стекала кровь, окрашивая его волосы в красный цвет. Наконец закатил глаза и без единого звука рухнул на пол, словно мешок, набитый тряпьем.

Стало очень тихо. Некоторое время не было слышно ни единого звука, но тут стал стонать раненый Ремизов. Островский подбежал к нему на помощь и, присев на корточки, поинтересовался, как он себя чувствует. Илья Ильич крепко сжимал рукой рану, из которой сочилась кровь. Было ясно, что без медицинской помощи не обойтись.

– Марго, дорогая, – обратился к ней отец, заметив ее на лестнице, – будь добра, сходи за бинтами и прихвати все, что нужно. Ну ты знаешь.

Надо отдать должное темноволосой красавице: – никаких

тебе криков, оханий и вздохов. С каменным, непроницаемым лицом, понимая, что в данной ситуации следует сохранять холодный рассудок, она поднялась за медикаментами.

А вот граф Чернокуцкий к раненому Ремизову даже не подошел, а только стоял и смотрел на распростертого на полу турка. Он все еще сжимал в руке горлышко разбитой бутылки и смотрел на нее с каким-то недоумением. Потом спросил:

– Петр, а у тебя еще есть коньяк?

Островский обернулся.

– Да ты, я вижу, окончательно ума лишился. Только что человека убил, а тебе все выпить?

Граф ничего на это не ответил, только икнул.

При других обстоятельствах это выглядело бы комично, но в свете последних событий всем было не до смеха.

– Где же полиция, черт ее раздери? – Выругался Андрей Кравцов.

Дела были скверные. В доме, где еще вчера царил мир и покой, произошло два убийства.

Глава 6

Как оказалось, не два, а только одно. Турок хоть и потерял сознание, остался жив. Ему перевязали голову и перенесли в комнату для гостей. Не туда, где ночевал Антон, а в другую.

Пока переносили, Кравцов предупредил Петра Петровича, что ему следует рассказать полиции все, что произошло, причем сделать это безо всякой утайки и во всех подробностях. А еще особо подчеркнул, что подозрение первым делом падет на него, а потому дела совсем скверные. Если вины его никакой нет, то и опасаться нечего, так как за юридической помощью дело не станет. Если же Хавинского действительно убил Островский, то Андрей Александрович должен знать это сейчас же. Но ничего нового Островский ему не поведал. С его слов, было именно так, как он и говорил раньше.

Чему Антон действительно поразился, так это спокойствию мануфактурщика. Случись такая ситуация с ним самим, неизвестно, каких дел бы он натворил. А этот ничего, вел себя спокойно и уравновешенно, хоть его бледность и легкая дрожь в голосе не могли остаться незамеченными.

Минут через двадцать к дому подъехала черная лакированная карета, запряженная двумя лошадьми. Это была трюповозка. Вслед за ней подкатили еще два экипажа, один побольше, другой поменьше. Из меньшего прямо на ходу ловко

выпрыгнул довольно моложавый господин в темном пальто и направился к террасе. В руке он держал легкую трость с металлическим набалдашником в виде египетского сфинкса. Даже не посмотрев на Василия и Игната, которые стояли чуть в стороне и что-то обсуждали, он сразу подошел к Островскому и легким кивком головы поприветствовал его. На остальных даже не взглянул.

– Вы, я так понимаю, Петр Петрович Островский, верно? – Обратился он к промышленнику довольно приятным, но вместе с тем властным голосом. – Знаете, как я вас узнал? Читал недавно статью в «Губернских ведомостях» где был помещен ваш автопортрет. Вас там, знаете ли, воспевают как нового Савву Морозова, представляете? Как по мне, вполне и вполне справедливо, хоть и несколько высокомерно, не находите? Прочитав эту хвалебную статью, отчего-то захотелось познакомиться с таким человеком лично. И вот представился случай. Довольно забавно, не так ли?

И моложавый господин усмехнулся, видимо действительно считая это забавным. На вид ему было лет сорок, но выглядел моложе. Бороды и усов не носил, одет по последней моде, прямо как с парижского журнала. Птица высокого полета, сразу видно.

– Да уж, вы правы. Статью эту я помню, там писалось про перспективы развития рыночных отношений с развитыми странами Европы. Но позвольте, с кем имею честь?

– Чиновник особых поручений из Петербурга при гене-

рал-губернаторе. Кудасов моя фамилия, а зовут Иван Леопольдович. Весьма рад знакомству.

Это имя показалась Антону знакомым, но он не мог вспомнить, где ее слышал. А ведь где-то слышал, причем совсем недавно. Где же?

– А ведь я тоже читал про вас статью, господин статский советник. Это ведь вы истребитель заграничной преступности, да?

Иван Леопольдович Кудасов, положивший конец варшавским гастролерам, вот это кто! Это про него писалось в газете, которую они читали вчера в карете.

Тот скривил уголок рта, что, по-видимому, означало у него презрительную ухмылку.

– Именно так. Жаль, конечно, что пришлось пустить в ход револьвер, уж больно хотелось эту польское отребье живьем взять, но, видать, не судьба. Уж больно прыткий субъект, такие живыми не даются. А вот истребителем заграничной преступности, как вы меня окрестили, я никоим образом не являюсь. Тут бы со своими справиться, с родимыми, что нам те иностранцы. Залетают, конечно, в наши края, но случается это нечасто. Однако в ваш чудесный городишко я прибыл совсем с другим заданием, к сегодняшним событиям касательства не имеющим. Но услышал, что с самим Петром Островским беда приключилась, как не приехать. И вот я здесь.

В этот момент из другой кареты вышли четверо полицей-

ских и сыщик из управления. С ними был еще один человек, худощавый и немного сутуловатый. Шел он позади и рассеянно оглядывался по сторонам.

Сутулый господин поприветствовал всех кроме Кудасова, которого, видимо, сегодня уже видел, после чего они все проследовали в дом.

Зашли, огляделись. Увидели весь творившийся там погром, но лица у всех оставались непроницаемыми. Кудасов даже зевнул, будто и ожидал увидеть нечто подобное. Он подошел к столу, осмотрел битые тарелки, осколки стекла, бросил беглый взгляд на разрушенного грифона. Потом за чем-то стал тростью перебирать битые бутылочные стекла на полу. Спросил:

– Я вижу здесь кровь на полу. Чья она?

– А это, ваше высочордие, кровь одного наемника, хозяин которого сейчас мирно поκειται в кабинете Петра Петровича, – с усмешкой ответил граф.

Из всех присутствующих только он один сохранял веселое настроение, будто здесь произошло нечто забавное.

Но его развязности не разделял никто. Не разделил ее и Кудасов, который посмотрел на него гневно и осуждающе. Этого взгляда Антон даже немного испугался. А граф ничего, только рот в ухмылке скривил.

– Вы ведете себя весьма и весьма распушено, из чего я могу предположить, что вы изрядно пьяны. Но это ладно. Меня заинтересовали ваши слова про наемника. Что за на-

емник, и где он сейчас? Отвечайте!

Последнее он гаркнул так, что все вздрогнули. Вздрогнул даже пристав, который, судя по его виду, несколько побаивался петербургского чиновника.

— Зачем так кричать, господин хороший? А как прикажете называть того, кто устроил весь этот бедлам? Вон молодого парня чуть не убил, и жениха Маргариты Петровны тоже. Нехристь он, вот кто.

Кудасов отложил в сторону трость и потер виски.

— Так, стоп. Я ничего не понимаю. Извольте толком объяснить, что здесь произошло. Хотя нет, лучше поступим по-другому. Я хочу допросить каждого по отдельности и записать показания. Надеюсь, Валентин Сергеевич, вы против этого возражать не будете?

Он посмотрел на сыщика.

— Никак нет, ваше высокородие. Более того, я сам хотел бы кое-что уточнить. Поэтому желаю присутствовать.

— Не имею ничего против. Дело очень странное. Но ничего, будем разбираться. А сейчас посмотрим место убийства.

Разбиралось следствие долго, больше трех часов. Все это время полиция находилась в доме и осматривала каждый угол. Кудасов в присутствии следователя Валентина Сергеевича допросил каждого, включая лакея и кучера графа, и узнал, кто где находился в момент преступления. Следователь иногда задавал наводящие вопросы, а один из филеров записывал показания в блокнот. Худощавый и сутулова-

тый господин, который оказался судебным медиком Андреем Карловичем Штольцем, с немецкой дотошностью осмотрел труп и констатировал смерть от проникающего колющего ранения в сердце. Более подробный отчет он обещал дать после вскрытия. Затем черная карета увезла тело в анатомический театр.

Первое, что привлекло внимание следствия, было распахнутое настежь окно. Однако во дворе, на земле, никаких следов не имелось. А они должны были остаться, если убийца проник в кабинет именно таким способом. Петр Петрович божился, что, когда уходил и оставил вымогателя одного, окно было заперто. Получалось, что окно открыл либо убитый, либо убийца. Зачем это понадобилось делать Хавинскому, было решительно непонятно. Как непонятно и то, зачем его открыл убийца, если он через него не входил. Тогда получалось, что он вошел через дверь, минуя гостиную. Но там было много людей, и пройти незамеченным никому бы не удалось. Конечно, имелся определенный промежуток времени, когда там никого не было, но подгадать такой момент едва ли было возможно.

Да и потом, откуда убийца мог знать, что Островский уйдет и Хавинский останется в кабинете один? Если бы таинственный преступник вошел и увидел двоих человек, как бы он поступил? Убил бы обоих, или же не тронул никого? А может, он потому и пошел на убийство, заранее зная, что в кабинете кроме шантажиста в этот момент никого не будет?

В общем, сплошные загадки.

Что касается Кудасова, то он имел свою точку зрения относительно происшедшего. Он уверял, что все обстояло не так таинственно, как это хотели преподнести. По его мнению, виновником преступления являлся сам хозяин дома. В порыве гнева он зарезал своего врага, после чего бросил окровавленный нож и открыл окно, как будто убийца проник в кабинет со двора. Учитывая, что никаких следов снаружи не нашли, это выглядело вполне правдоподобно. Потом Петр Петрович, как ни в чем не бывало, поднимается к своей дочке, справляется о ее здоровье, далее заходит в свою комнату, берет из сейфа деньги и возвращается туда, где лежит умертвленный им же шантажист. Ну, а дальше поднимает шум, выбегает на террасу, все как положено. В этом случае никаких нестыковок нет, все выглядит довольно просто и логично. Мотив для убийства имелся более чем весомый, так что сомнений в причастности хозяина дома нет и быть не может.

Надо отдать должное Петру Петровичу. Даже после предъявленного ему обвинения (неофициального, конечно), держался он мужественно. Не кричал, не доказывал свою невиновность, не бравировал. Он сидел в кресле, положив руки на подлокотники, и только глубокая печаль на его лице выражала то, что творилось у него в душе. На предложение Ивана Леопольдовича самолично во всем признаться и тем самым облегчить свою участь, он только повторял, что ни-

кого не убивал и сознаваться ему не в чем.

– Подумайте, ведь вы ведь человек далеко неглупый и весьма прагматичный, – говорил Кудасов. – Так давайте отталкиваться от фактов. А факты эти говорят, что вы и только вы имели и мотив, и возможность убить своего недруга, разве я не прав? Посудите сами, никто кроме вас сделать этого попросту не мог. Я допросил всех в доме, и картина мне ясна. Мы попросту теряем время.

Марго пыталась защитить отца, но ее нелепые доводы вроде того, что папенька не такой человек чтобы убить, пусть даже и нехорошего человека, никакого действия, естественно, не возымели. Андрей Александрович же, хоть и обещал, что за юридической помощью дело не станет, предательски молчал, понимая всю безвыходность ситуации.

– Поймите, – продолжал статский советник, – я вас не осуждаю. Я немного знал убитого, и могу сказать, это был отъявленнейший мерзавец. Не думаю, что кто-то заплачет на его могиле. Будь моя воля, я бы вам руку пожал за то, что избавили общество от такого опасного человека, но долг требует, чтобы я арестовал убийцу. А убийца это вы, ну сознайтесь хоть сейчас.

На что Петр Петрович ответил:

– Я не хочу больше говорить. Если желаете, ведите меня в тюрьму. Я устал вам твердить одно и то же, вы ведь не верите ни одному моему слову. Я устал. Одного прошу – дайте мне покоя.

И закрыл лицо руками.

У Антона, который сидел рядом, сердце сжалось от этой картины. Он видел не крупного промышленника, миллионщика и нового Савву Морозова, а уставшего и раздавленно-го человека, против которого ополчился весь мир. Боже, как же он изменился всего за одни только сутки.

Все улики против Островского, да. Но кто хорошо его знал, нипочем бы не поверил в его виновность. И дело не в том, что само преступление выглядело чересчур глупым, и решишь тот убить, сделал бы это по-другому, позаботившись о том, чтобы замести следы. Они бы подтвердили, что обвиняемый Кудасовым человек ничего не делал в состоянии аффекта. Если бы он давал волю своим эмоциям, то не был бы влиятельным в городе финансистом, каким является на сегодняшний день. Такие люди все просчитывают, продумывают наперед.

После долгих допросов выяснилось следующее: Марго все время просидела в комнате, ссылаясь на плохое самочувствие. Поднялась она туда сразу после ссоры с женихом и там оставалась. Здесь все понятно.

Илья Ильич находился в коридоре второго этажа и читал газету. Когда Марго выпроводила его и заявила, что желает побыть одна, он присел на диван, разместившись возле дверей ее комнаты. На вопрос, не лучше ли было проследовать в гостиную и остаться там, он ответил: нет, не лучше. Вдруг девушка передумает и все-таки пустит его? Ведь настроение

красавиц так переменчиво и так непредсказуемо.

Андрей Александрович, когда произошло убийство, находился в беседке с Антоном и графом. Сначала показалось, что невиновность этих троих не подлежит сомнению, но после уточнения деталей возникли вопросы. Да, они действительно были вместе, но был период, когда в беседке оставались только двое.

Ковров закашлялся от предложенной ему сигары и отлучался в комнату, чтобы принести свою. Отсутствовал минут пять, и это показалось подозрительным. Он сообщил, что прошел через пустую гостиную на лестницу, а оттуда на второй этаж, где его великодушно разместил Петр Петрович. Сигара была во внутреннем кармане пальто. Он взял ее и собирался покинуть комнату, как почувствовал приступ боли в боку, куда был ранен. Пришлось посидеть на кровати и подождать, пока не пройдет. Так же Антон подтвердил, что видел Илью Ремизова, сидящего в кресле на втором этаже.

С Чернокуцким тоже было не все ясно. В разгар беседы он отправился за бутылкой и, по его словам, долго ее искал. Андрей Александрович сказал, что она стоит возле дивана, но там ее не оказалось. Обнаружилась она возле окна, где, по всей вероятности, сам граф ее и оставил. Этим он и объяснял свое отсутствие, которое, кстати сказать, тоже длилось около пяти минут. Кудасов заявил, что этого времени вполне могло хватить, чтобы зайти в кабинет, убить Хавинского и преспокойно вернуться. Тем более, по словам самого графа,

гостиная была пуста и можно было не опасаться свидетелей. Евгений Павлович на это ответил, что более нелепой теории и выдумать сложно. Нелепая, может, и нелепая, но вполне правдоподобная.

Кравцов тоже не всегда был на виду. Перед самым обнаружением тела поругался с графом из-за ерунды и, обидевшись, покинул беседку. Отправился в гостиную и просидел там, по его словам, не более минуты. Спустя это время увидел спускающегося со второго этажа Петра Петровича с пачками кредитных билетов в руке. Тот кивнул Андрею Александровичу и пошел в кабинет. Вскоре оттуда донеслись крики и Кравцов побежал туда. Увидел тело и стал звать со двора Антона и Евгения Павловича.

Хорошо. Одна минута. Именно столько поверенный Островского оставался в гостиной и его никто не видел. Хватило бы времени, чтобы войти в кабинет и совершить убийство? Вполне. Так что из числа потенциальных подозреваемых его вычеркивать нельзя.

Антон, когда беседовал с Кудасовым, вспомнил одну деталь:

– Я давеча сказал, что турок Явуз все время находился на улице. Это не совсем так. Он отлучался минут на пятьдесят. Я заметил это, когда мы с Андреем Александровичем курили в беседке. Он сидел в карете, на месте кучера, потом смотрю – его уже нет. А вскоре снова появился. Я тогда еще подумал, может, нужду справлял.

Иван Леопольдович на минуту задумался, потом ответил:

– Это, конечно, деталь существенная, и хорошо, что вы вспомнили. Только не думаю, что она нам поможет. Ну отлучался турок, и что? Может, и вправду по нужде. Вряд ли убежал весь дом, вошел со двора через окно, убил своего хозяина и вернулся. Если бы он хотел, мог это сделать в любой другой момент, более подходящий. Зачем так рисковать? Да и потом, вы забываете, что мы выяснили важное обстоятельство: убийца не мог проникнуть в кабинет через окно. В противном случае у него должны быть крылья.

– Тем не менее, это следует проверить. Вы собираетесь с ним разговаривать?

– Разговаривать? Молодой человек, вы забываете, что мы профессионалы своего дела. Я собираюсь с ним не разговаривать, а допрашивать, причем со всем пристрастием. Но это можно сделать только после того, как он придет в себя.

Как раз в этот момент в гостиную буквально влетел молоденький офицер в форме, и, забыв про всякую субординацию, воскликнул:

– Иван Леопольдович, подопечный наш пришел в себя. Дергается, пытается освободиться, кричит что-то невнятное. Прикажете доставить?

Кудасов от удовольствия потер руки, и лицо его озарила лучезарная улыбка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.